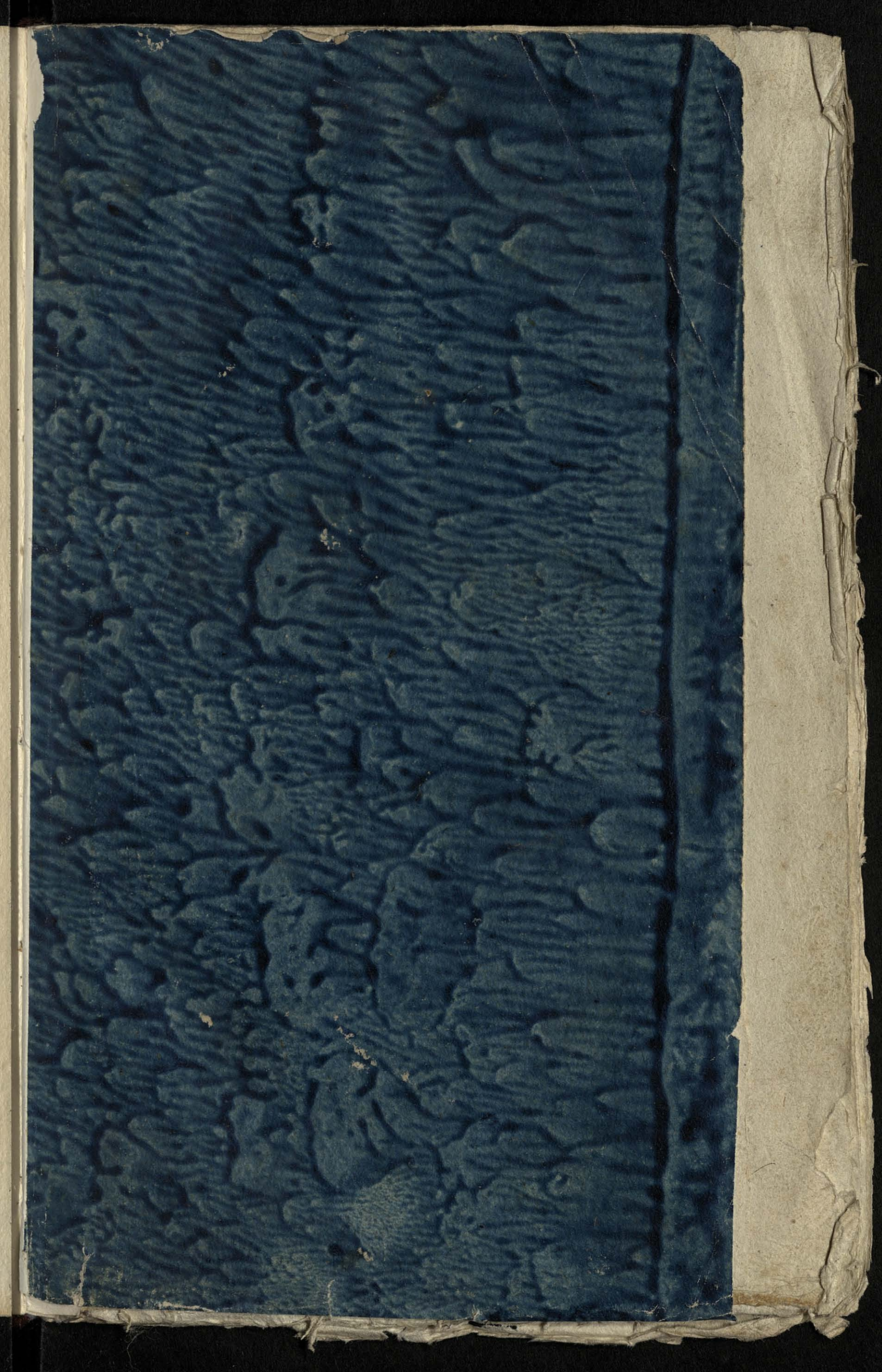

ЖИТІЕ

СВ. ГРИГОРІЯ НАЗІАНЗИНА

Писанное имъ самимъ;

съ присовокупленіемъ

ФИЛОСОФИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

на

Нещастія въ Его жизни.

Переведено съ Французскаго языка въ Ярополчѣ, 1780 года, въ Декабрѣ.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

народомъ моимъ, о вѣрные Христiане! днесь вы благопрiятны ко мнѣ будете; ибо у мертвыхъ нѣтъ уже непрiятелей (а).

А вы, о граждане, украшенiе всего свѣта, живущiе въ новомъ мiрѣ, посредѣ богатствъ земныхъ и водныхъ. О! новый Римъ, отечество толь знатныхъ семействъ, градъ *Константиновъ*, неподвижный столпъ Имперiи. О люди! послушайте человѣка, который васъ не обманетъ, человѣка, долгое время колеблемаго трудными обстоятельствами, насъ многому научающими.

Все изтощевается, все слабѣетъ со временемъ; лучшее наше изче-

(а) С. Григорiй лишенный своея паствы, и находясь принужденнымъ вести уединенную и сокрытую жизнь, кладетъ себя въ число мертвыхъ.

изчезло, оставшее не стоитъ труда быти упомянуто. — Тако сильные дожди, увлекшіе за собою бразды, оставляютъ по себѣ единый только пѣсокъ и кремни. Можно ли иначе сказать о сихъ смертныхъ, въ толпѣ замѣшанныхъ, и подобно скотамъ смотрящихъ только на землю?

Что *касается* до нѣкоторыхъ пастырей, *съ воздыханіемъ скажу*, что они суть страшные опасные глубокіе рвы, земля ископанная водою; сѣдятъ они на мѣстахъ высокихъ, поставлены главою народамъ, избранны къ наученію его, долженствующіе раздавать душамъ пищу божественную, сами же оныя лишенные. Имъ должно бы быть врачами, а они только бездушные тѣла, покрытыя ранами. Ахъ, какіе путеводители! какія наставники въ путяхъ опасныхъ, которыхъ они

сами *боятся*, и по которымъ сами не ходятъ! самое надежнѣйшее средство ко спасенію есть непослѣдованіе по стопамъ таковыхъ пастырей. Каѳедра ими занимаемая служитъ къ собственному ихъ *изобличенію*: на ней отличаются они пышностію, а не святостію.

Кто можетъ *принудить* меня говорить симъ образомъ. Я не наглъ, не ругатель. Да внемлятъ современники мои, и по мнѣ грядущіе вѣки; я возвѣщу имъ истину.

Сего ради надлежитъ начать повѣствованіе о времени, предварившемъ рожденіе мое, хотя повѣсть сія и была бы нѣсколько пространна. Мнѣ должно развѣять бывшіе противу меня наговоры. Злые люди охотно приписываютъ злобу свою тѣмъ, кто есть

есть ихъ жертвою. Гонятъ ихъ клеветою, и такимъ образомъ отвращаютъ отъ себя заслуженныя обвиненія. Сіе да будетъ вступленіемъ въ исторію мою, начало же оныя таково:

Родитель мой былъ старецъ честный и добродѣтельный, незлобивъ и изящный образъ къ подражанію каждаго, вторый Аврамъ. Не по виду только тщился онъ быти добродѣтельнѣйшимъ, но самою вещію былъ таковъ, въ противность нынѣшняго вѣка. Прежде находился онъ въ (Гиспистарійскомъ) заблужденіи; но сдѣлался потомъ ревностнымъ послѣдователемъ Христовымъ, наконецъ пастыремъ, и всѣхъ пастырей украшеніемъ. Мать же моя, (да вкратцѣ упомяну) была достойная супружница такова ложа, и ничѣмъ менѣе толь великаго супруга; родившися отъ

благочестивыхъ родителей, превзошла ихъ во благочестіи, жена нравомъ мужей превосходившая. Оба они были удивленіемъ всѣхъ людей. Но чѣмъ докажу я истину сію? Самую родившую меня поставлю я свидѣтельницею повѣствованія моего. Она подостоинству нарещися можетъ органомъ истины. Пріобыкнувъ лучше скрывать самыя извѣстныя вещи, нежели провозвѣщать тайныя славы ради. Ибо страхъ, да не явится тщеславною, былъ ей въ томъ наставникомъ. Она, возжелавши видѣть въ дому своемъ чада мужескаго пола, желаніе всѣмъ матерямъ сродное, начала молиться Богу, о ниспосланіи ей желаемаго. И какъ прошеніе ея было неотступное и усердное, то даръ просимый прежде полученія посвящаетъ Богу. Молитва ея не осталася тщетною. Но предъ исполненіемъ оныя было ей прія-

тное

тное предзнаменованіе, сирѣчь видѣніе, содержащее сѣнь просимаго дара. Образъ мой ясно ей представился, и имя мое такъ же слышимо было. Сіе нощное видѣніе самою вещію сбылося; ибо я имъ родился. И ежели я могу назваться достойнымъ воздаяніемъ за молитву родительницы моей, то сіе есть даръ Божій. Ежели же *напротивъ*, то я единъ въ томъ виновенъ. Тако произшелъ я въ жизнь сію, составленный, увы! изъ бренія, и обложенный тлѣннымъ тѣломъ, отъ котораго большею частію мы бываемъ побѣждаемы, а рѣдко, да и едва бываемъ онаго побѣдителями. Но не взирая на сіе, какъ рожденіе мое было для меня и многаго добра источникомъ, то не могу я быть ко Всевышнему неблагодарнымъ.

Едва я родился, но се, ужѐ и принадлежу другому; но благо

сіе привержение! Богу бо привожуся, яко агнецъ нѣкій, или единолѣтный телецъ, жертва знаменитая и разумомъ почтенная; не дерзаю же рѣщи; яко Самуилъ новый, развѣ по сходству обѣта посвятившихъ меня Господу Богу. Потомъ воспитываемъ во всякихъ добродѣтеляхъ (ибо въ дому своемъ имѣлъ превосходныя въ томъ примѣры) еще *отъ пелѣнъ* показывалъ нравы и важность, приличныя старцамъ. И какъ облако раждается изъ облака, тако любовь къ истинѣ постепенно во мнѣ умножалася. Возрастая лѣтами, а вкупѣ и разумомъ, особливо прилѣпился я къ чтенію книгъ, поборствующихъ по Богѣ, и всегдашнѣе имѣлъ собѣсѣдованіе съ мужами честными и добродѣтельными. Таково было начало житія моего. Но продолженіе онаго, не знаю какимъ теченіемъ слова мнѣ описывать? умолчу ли тѣ чудесныя

ныя средства, каковыми Богъ, видя мое благое начало и расположеніе, побуждалъ меня далѣе въ томъ простираться? Тако бо ведетъ Онъ обыкновенно благочестивыя души ко спасенію; или возвѣстить мнѣ ихъ предъ всѣми? первое можетъ быть знакомъ неблагодарности, послѣднее не покажется ли тщеславнымъ? лучше умолчати, (*довлѣетъ и того*, что самъ оное знаю) дабы настоящее состояніе моего житія, не было противное моей повѣсти, и не показалося бы весьма удаленнымъ отъ прежней моей благочестивой ревности. Что повелѣваетъ самая нужда, возвѣщу то предъ всѣми.

Въ то время, когда власы не покрывали еще ланитъ моихъ, вселилась въ меня любовь къ наукамъ. Ибо восхотѣлъ я тщетныя свѣтскія знанія употребить въ пользу божественной истины, и пока-

зать что вотще тѣ гордятся; кои ничего не знаютъ, кромѣ суетнаго и пустаго краснорѣчія, состоящаго въ пріятности единыхъ словъ и гласа.

Опасался я запутаться въ книгахъ ложныя Діалектики. Впрочемъ ничто не встрѣчалось разуму моему лучше святыни, коя была цѣлію моего *прилежанія*. Но не могъ я избѣгнуть неосторожностей возраста моего, возраста огнемъ преисполненнаго, удобно ввѣряющагося быстротѣ естественной. Тако младый конь быстро пускается въ пространныя поля. Я оказалъ успѣхи въ училищѣ Александрійскомъ. Наконецъ желая быть въ Греціи, выѣхалъ изъ сего города въ такое годовое время, кое не удобно къ мореплаванію, и въ которое море становилось опаснымъ. Показывался уже знакъ тельца. Тотъ дерзокъ, говорятъ искусные море-

мореходцы, кто пускается въ море подъ симъ созвѣздіемъ. Корабль нашъ плылъ подлѣ береговъ Кипрскихъ. Вдругъ подули вѣтры, темная ночь окружаетъ насъ, покрываетъ землю, море и небо. Громовые удары сопровождаются молніею. Снасти стонутъ подъ тяжестію надутыхъ и мокрыхъ парусовъ, колеблется мачта. Не можно *править и кормиломъ*, влечетъ оно возложившаго на него руку свою. Волны наполняютъ нутръ корабельный. Стонъ и вопль слышны отовсюду. Корабельщики, рабы Господа, путешественники, всѣ согласно призываютъ Христа, и не вѣдущіе имя его къ нему же возсылаютъ гласы своя: страхъ есть сильный наставникъ! величайшее зло наше состояло въ недостаткѣ пресныя воды; сильные порывы выбросили изъ корабля въ море бочку, драгоцѣнное сокровище содержавшую. Кромѣ жа-

жды бороться надлежало съ гладомъ, съ волнами и вѣтромъ. Пали бы мы подъ бременемъ сихъ злоключеній, естьли бы Богъ не избавилъ насъ скорою своею помощію.

Финикійскіе купцы насъ усмотрѣли; хотя они и сами были въ опасности, однакожъ край бѣдствія нашего ихъ тронулъ. Гребцовъ у нихъ было много: они догнали насъ. Ихъ человѣколюбіе спасло животъ нашъ. Уже мы были полумертвы, подобны рыбамъ изъ моря на брегъ извлеченнымъ и умирающимъ, или свѣтильникамъ, угасающимъ отъ недостатка елея. Между тѣмъ море болѣ и болѣ свирѣпѣетъ; и сія страшная буря нѣсколько дней продожалась. Носимы волнами не знали мы пути нашего. Надежда оставила насъ. Всѣ съ трепетомъ ожидали предстоящія смерти: но я во вну-

внутренности своей трепеталъ болѣе всѣхъ другихъ. Увы! угрожаемый кораблекрушеніемъ, не былъ я еще омытъ водами, соединяющими насъ съ Богомъ. Вотъ бывшая причина скорби и слезъ моихъ. Сіе то извлекало плачевный вопль мой. Раздралъ я ризы мои, повергся долу, и воздѣвая руки горѣ, билъ я рука объ руку, и біеніе сіе слышимо было посредѣ волнъ морскихъ. Сіе можетъ быть не покажется вѣроятнымъ, хотя была то самая истина. Сопутешественники мои забывъ собственную свою опасность оплакивали злощастіе мое. Ихъ благочестіе въ общемъ страхѣ соединяло обѣты ихъ съ моими соболѣзнованіями. Толико трогало ихъ бѣдное мое состояніе!

О Христе! Ты былъ тогда спасителемъ моимъ, Ты и нынѣ въ волнахъ меня обуревающихъ!

всей

Всей надежды мы лишались, ничто намъ не благопріятствовало. Не зрѣли мы ни острова ни земли твердой, ниже горы ни пристанища; однимъ словомъ ни единаго изъ сихъ знаковъ, служащихъ звѣздою мореходцамъ. Не ожидая никакой помощи отъ земнаго, къ Тебѣ небесному обратилъ я взоры мои; къ Тебѣ, въ комъ жизнь, душа, свѣтъ, сила и спасеніе призывающихъ Тя! Къ Тебѣ ужасаяй, біющій, утѣшающій, исцѣляющій, и зло благомъ разстворяющій! дерзалъ я воспомянути предъ Тобою древнія чудеса Твои, явившія міру всемогущую десницу Твою. Море отверзающее ходъ бѣгущимъ племенамъ Исраилевымъ: пораженный Египетъ страшными ранами: побѣжденнаго Амалика единымъ возвышеніемъ рукъ Моисѣевыхъ: порабощенныя цѣлыя Государства съ Царями ихъ: разрушенныя стѣны единымъ обхожденіемъ людей Твоихъ

ихъ при звукѣ трубномъ: дерзалъ присовокупить къ симъ преславнымъ чудесамъ сотворенныя и во мнѣ самомъ. Твой есмь азъ, возопилъ я, о Боже мой! и въ день сей я больше твой, нежели когда либо прежде. Сподоби дважды пріяти мене. Жертва хотя малаго стоющая, приносится Тебѣ въ даръ отъ земли и моря. Посвященный обѣтомъ матери и жестокостію ужаса, *Тебя ради жить я буду*, естьли избѣгну настоящія опасности; когдаже погибну, ты лишишся обожателя твоего. Ученикъ твой посредѣ бури; востани въ помощь его, прейди по волнамъ; да изчезнутъ бѣды наши!

Едва скончалъ я слова сіи, буря утихла, волны опустились, корабль взялъ теченіе свое. Но, ѡ драгоцѣнный плодъ молитвы моея! всѣ бывшіе въ корабли обратились ко Іисусу Христу. И такъ по-

получа сугубую милость, спаслись сугубымъ образомъ!

Оставя за собою островъ Родосскій, и воздвигнуты благопріятнымъ вѣтромъ, вскорѣ приплыли мы въ Егинскую пристань. Корабль былъ отъ земли сея, оттуды поѣхалъ я въ Аѳины, гдѣ и посѣщалъ училищи.

Пусть другіе скажутъ какъ жили мы тамо во страхѣ Господни, какъ были почтены Христіянами, и какъ текли дни наши сладко и покойно посредѣ великаго числа юношей дерзскихъ и пылкихъ, вдавшихся стремленію возраста своего. Прозрачный източникъ сохраняетъ, говорятъ, сладость свою посредѣ горькихъ волнъ, подобно и мы не соблазнялись худыми примѣрами, и непреставали вести друзей нашихъ къ добродѣтели и истинѣ. Господь благо-

волилъ

волилъ удостоить меня особливою милостію, даровавъ мнѣ друга мудрѣйшаго, почтеннѣйшаго и ученнѣйшаго изъ многихъ. Кого, спросятъ меня? Едино имя его ознаменуетъ. Василія! сего Василія, оказавшаго толикія услуги вѣку своему. Я съ нимъ жилъ, соучаствовалъ ему въ ученіи, и умозрѣніи, и естьли дозволится сказать, мы составляли *двойцу*, приносившую нѣ*которую честь Греціи*. Все у насъ было нераздѣльно. Казалось единая душа оживляла два тѣла. Но служеніе Божіе и любовь къ добродѣтели совершали наиболѣе толь тѣсный союзъ нашъ. Какъ скоро достигли мы до верха взаимныя довѣренности, такъ что ничего другъ отъ друга сокровеннаго не имѣли: то почувствовали мы, что узелъ дружбы нашей болѣе укрѣпился. Согласіе чувствовании есть узелъ сердецъ. — Приближалась минута возвращенія въ отечество

 наше,

нате, гдѣ надлежало избрать состоянiе. Много мы посвятили время на ученiе, и мнѣ свершался уже тридесятый годъ. Тогда позналь я всю нѣжность соучениковъ нашихъ, и выгодное ихъ о себѣ мнѣнiе. Наконецъ насталъ опредѣленный день, который былъ днемъ горести и боренiя. Вообрази въ мысляхъ своихъ, сiи объятiя, сiи *разговоры* слезами растворенныя, послѣднiя сiи прощанiя, въ коихъ разлука кажется усугубляетъ дружество. Товарищи наши съ прискорбiемъ соглашались на причины, принудившiя Василiя къ отъѣзду. Я еще не могу безъ слезъ воспомянуть горестнаго сего вида. Меня окружали друзья и посторроннiя, товарищи и учители, кои всѣ соединяли прозьбы и жалобы даже до усилiя; ибо дружба и до того иногда доходитъ. Крѣпко обнимая меня клялись, что не согласятся на

отъ-

отѣздъ мой, присовокупляя къ тому что я принадлежу Аѳинамъ, и что не должно похищать у города, того, что ему принадлежитъ.

Похвала ихъ удостоивала меня награжденія за краснорѣчіе. Наконецъ уговорили они меня. Единый только твердый дубъ могъ противустоять нѣжной и усильной прозьбѣ. *Но совсѣмъ тѣмъ* я не былъ убѣжденъ; любовь къ отечеству увлекала меня. Отечество, гдѣ вѣра болѣе нежели гдѣ либо торжествуетъ, въ тебѣ уповалъ я безпрепятственно посвятить себя Христіанскому любомудрію (6).

(6) Весьма важно къ примѣчанію здѣсь то, что во многихъ отцахъ греческія церкви, накъ то въ С. Іустинѣ и Григоріи назіанзинѣ слова *Философъ* и *Христіянинъ* суть синонимы т. е. сдинозначущи. И что глаголъ: φιλοσοφεῖν, *Философстпопать* нс значилъ

При томъ воспоминалъ я старость родителей моихъ, удрученныхъ про-

---

чилъ иное какъ исповѣдывать Христіянство. И сіе для того, что Христіянство въ самомъ дѣлѣ есть истинная Философія; и такъ нынѣ называющіеся Философами да не обвиняютъ противниковъ своихъ, нападающихъ на нихъ яко на Философовъ. — Естьлибъ подлинно они были любомудры, тогда бы видѣли они однихъ только обожателей и друзей. Исповѣдуемая ими Философія есть поношеніе истиннаго Любомудрія, и уничиженіе человѣческаго разума. Какіе люди мнимые сіи мудрецы! они исполнены безстыдства и гордости ложныхъ Философовъ, коихъ Платонъ толь изрядно описываетъ, и толь много презираетъ. Истинная Философія та, которая дѣлаетъ человѣка добрымъ, возвышаетъ его къ Творцу его: однимъ словомъ, которая дѣлаетъ человѣка подобнымъ Богу. По симъ только знакамъ можно различить истинную Философію отъ ложной.

продолжительныхъ трудовъ бременемъ. Похитилъ себя изъ Аѳинъ не безъ трудности, поживши въ нихъ довольное время. Пріѣхалъ въ отечество мое; вскорѣ принудили меня говорить рѣчь всенародно. Нужно было заплатить долгъ сей любопытству, хотя не любилъ я громкихъ рукоплесканій, ни тихаго шума, сего тщетнаго и пустова *удивленія, ласкающаго* суетности Софистовъ въ многочисленномъ собраніи юношей. Первое попеченіе любомудрія моего было посвященіе Богу ученія и любви къ краснорѣчію купно съ прочими моими склонностями. Многіе оставили стадо свое въ поле, и повергли злато свое въ пучину морскую.

Но такъ, какъ я ужѐ сказалъ, во угожденіе друзей моихъ представилъ я позорище, которое было еще только началомъ боренія, или первымъ шагомъ въ опасный

подвигъ. Имѣлъ я нужду въ твердомъ и благоразумномъ наставленій. Испытывалъ я собственныя мои мысли, яко вѣрныхъ друзей, отъ коихъ ожидалъ полезныхъ совѣтовъ. Находился въ мрачной сумнительности, когда дѣло шло до избранія изящнѣйшаго въ лучшемъ. Давно уже рѣшился я сохранять цѣломудріе. Тогда еще болѣе укрѣпился въ семъ намѣреніи. Испытывая различныя стези Господни, не безъ труда было мнѣ узнать пріятнѣйшую и совершеннѣйшую въ глазахъ моихъ. Имѣла каждая изъ нихъ свои выгоды, и свои неудобствы. Сіе есть свойство всѣхъ земныхъ вещей. Не лучше ли чрезъ сравненіе изображу я состояніе мое? Казалось предпринималъ я дальнѣйшее путешествіе, и во избѣжаніе опасностей и трудовъ сопряженныхъ съ мореплаваніемъ, искалъ я пути удобнѣйшаго и безопаснѣйшаго.

Начертавалъ я въ мысляхъ своихъ Илію, уединеніе и дикую его пищу ни горѣ Кармильской; пустыню, единственное жилище св. Предтеча; бѣдную и нещастную жизнь сыновъ Іонадавовыхъ. Съ другой стороны долженъ я былъ покаряться влеченію моему къ божественному писанію, къ сему свѣтлому ученію Духа Святаго, просвѣщающаго умъ нашъ. Но совершенное уединеніе и вѣчное молчаніе не споспѣшествовали бы трудамъ моимъ. Наконецъ по великомъ уваженіи, смотря то на ту, то на другую сторону, утишилъ я противныя сіи движенія, и нерѣшимость моего разума рѣшилъ моею склонностію.

Видѣлъ я, что провождающіе мятежную жизнь приносятъ пользу другимъ, но себѣ безполезны; что вдаются они многимъ безпокойствамъ, нарушая сладость соб-

ственнаго своего спокойствія. Видѣлъ также и то, что удаленные совершенно отъ общества, хотя и спокойнѣе, и ихъ разумъ отвлеченный отъ всякаго попеченія, хотя удобнѣе къ размышленію; но тѣмъ самимъ они только себя пользуютъ; что благодѣянія ихъ тѣсными ограничиваются предѣлами, а жизнь не менѣе печальна и огорчительна. *Я поставилъ себя между убѣгающихъ сожитія*, и находящихся въ обществѣ, стараясь съ первыми размышлять, а со вторыми приносить пользу. Еще важнѣйшіе причины меня къ тому понудили; я обязанъ былъ моимъ родителямъ. Благочестіе требуетъ, чтобъ мы по Богѣ отдавали первое почтеніе произведшимъ насъ въ міръ сей, для того, что мы имъ должны благополучіемъ познанія Бога, и бытіемъ отъ нихъ полученнымъ. Родители мои въ преклонности вѣка своего

нашли

нашли во мнѣ всю помощь и подпору, чаемую отъ сына. Соблюдая и упокоевая старость ихъ дѣлался я достойнымъ взаимнаго при старости моей упокоенія; ибо какъ посѣешь, такъ и пожнешь.

Я употреблялъ Философію мою болѣе къ тому, чтобъ скрывать склонность мою къ монастырской жизни, *и чтобы служить* Богу самымъ дѣломъ, а не однимъ только видомъ. Мнѣ казалось, что я долженъ весьма почитать принявшихъ на себя всенародныя должности, состоявшихъ въ чинѣ священническомъ, и руководствующихъ народомъ въ отправленіи святыхъ Таинъ. Хотя и жилъ я въ обществѣ, но желаніе монастырской жизни владѣло моимъ серцемъ. Хотя чтилъ я епископскую каѳедру; но издали отвращалъ отъ оной очи мои, яко немогущіе сносить блистанія солнечнаго.

наго. И не воображалъ, чтобы какой либо случай возвелъ меня на́ оную.

О человѣки, подверженные заблужденію, не будемъ слегка говорить о великихъ дѣлахъ. Зависть сражается всегда съ возвышеніемъ. Не ищите тому примѣровъ дальнихъ, мой единъ довлѣетъ. На меня, находившагося въ оныхъ расположеніяхъ, востала страшная буря. Родитель мой зналъ подробно мои мысли.

Возбужденный невѣдомою причиною, поощренный можетъ быть родительскою любовію, подкрѣпляя сію любовь властію своею, восхотѣлъ онъ связать меня узами духовными. Да украситъ меня почестью, состоявшею во власти его, учредилъ онъ меня во второмъ степени престола Епископскаго (г).

То-

(г) Чинъ священства занималъ тогда второе мѣсто Епископскаго престола.

Толико тронуло меня тиранское сіе принужденіе, (прости мнѣ Душе Святый горесть мою, ибо не могу я иначе назвать сего поступка!) толь меня оскорбило сіе, что вдругъ оставилъ я друзей, сродниковъ, ближнихъ и отечество. Волъ уязвленный несѣкомымъ не бѣжитъ скорѣе. Прибылъ я въ Понтъ. Шелъ повергнуться въ *объятія божественнаго* друга, да обрящу въ немъ утѣшеніе скорби моей. Другъ сей въ уединеніи искалъ бесѣды съ Богомъ, какъ нѣкогда святѣйшій оный законодатель въ покрывающемъ его облакѣ. То былъ Василій, нынѣ со Ангелами живущій. Разговоры его утишили скорбь мою. Но родитель мой, любезный и благій родитель, обремененный старостію, горящій желаніемъ паки меня видѣть, заклиналъ меня сыновнею любовію принять священническую должность и тѣмъ удовлетворить послѣднему его хотѣнію. Вре-

Время уменьшило печаль мою, чего бы произвесть оно не долженствовало. Паки ввергаюсь въ пучину. Боялся я различныхъ движенiй родительскаго сердца; опасался, да не заступитъ проклятiе нѣжности мѣста: ибо самая любовь наконецъ озлобляется. Вскорѣ постигаетъ меня новая буря, и толь ужасная, что перо мое описать ее не можетъ. Все скажу друзьямъ моимъ не обинуяся.

Былъ у меня братъ, отправляющiй народную должность. (О демонъ честолюбiя, коль велика власть твоя надъ смертными!) Онъ былъ казносбирателемъ, и умеръ отправляя должность сiю. Стадо голодныхъ псовъ внезапу напало на оставшее его имѣнiе: слуги, друзья, постороннiя, всѣ восхотѣли участвовать въ наслѣдiи его. Древо падетъ, всякой бросается на сучья. Разграбленiе сего

сего лично меня отнюдъ не трогало: подобно птицѣ, готовъ я былъ всегда улетѣть. Но все обязывало меня сносить купно съ лучшимъ въ отцахъ щастіе и нещастіе, и раздѣлять съ нимъ не столько имѣніе, сколько заботы.

Вступившіе во глубину, есть-ли начнутъ колебаться, не могутъ уже удерживать себя: падутъ они въ бездну. Тожъ случилось и со мною. Едва ощутилъ я противную судьбину: тысячи нещастныхъ случаевъ, яко волны морскія, находили на меня единъ по другому.

Одинъ изъ лучшихъ друзей моихъ посѣтилъ меня. Умолчу о томъ, что предшествовало посѣщенію его, да не явлюсь хулителемъ такого человѣка, котораго я осыпалъ похвалами. Другъ сей

былъ Василій. Что сказать хощу! Увы! изреку ли? Естьли любилъ онъ меня, яко сына; то поступалъ со мною жесточаѣ, нежели отецъ: все мнѣ должно было сносить отъ родителя, даже и несправедливость. Но ничто не обязывало меня терпѣть отъ него тогда, когда во изъявленіе своей ко мнѣ нѣжности ожесточалъ онъ скорбь мою, вмѣсто того, чтобъ умягчать оную.

Не знаю, согрѣшеніямъ ли моимъ, воспоминаніе которыхъ часто меня мучило, долженъ я приписывать ужасный сей ударъ, еще сердце мое поражающій, или относить оный къ помышленіямъ, впечатлѣннымъ въ тебя, о наилучшій въ человѣкахъ! достоинствомъ твоего сана? Но естьли все принять въ уваженіе, то не обрѣлъ бы ты величости власти твоей надо мною. Что я тебѣ, сдѣ-

сдѣлалъ? Почто умножалъ ты скорбь мою, и толь жестоко постыдилъ меня? Изчезни и сокройся вѣчно отъ среды человѣковъ законъ дружбы, естьли не чтутся и не благодѣтельствуются друзья! Вчера оба мы львамъ уподоблялись, а нынѣ другъ отъ друга разнствуемъ.

Много покажется самолюбія въ сказанномъ мною. — Такъ, Василій, хотя бы ты малѣйшее имѣлъ почтеніе къ друзьямъ твоимъ, и тогда бы достоинъ я былъ изключенія; я, предпочтенный тобою предъ прочими въ то время, пока еще санъ твой не привелъ насъ въ забвеніе предъ тобою.

Но къ чему такая пылкость, разумъ мой? Удержи вожди быстрому коню сему, взыдемъ на ристалище, и постигнемъ цѣль нашу.

Итакъ сей-то Василій, справедливѣйшій всѣхъ людей, ко мнѣ не снисходителенъ. Онъ часто отъ меня слыхалъ, что всѣ нещастія для меня были сносны, и что я въ состояніи еще злѣйшія претерпѣть; но по лишеніи родителей. Тогда бы все оставилъ, и отказавшись отъ постояннаго жилища, возъимѣлъ бы по крайней мѣрѣ преимущество быть гражданиномъ всего міра. Слышалъ онъ разговоры сіи; похвалялъ ихъ. Но между тѣмъ силою посадилъ меня на каѳедру Епископскую. Дважды прельстилъ меня родительскою своею любовію.

Еще не конецъ. Выслушайте терпѣливо окончаніе. Самая пронырливая злоба враговъ моихъ не изобрѣла бы вѣрнѣйшаго средства ко вреду моему. Спросите: для чего? Всѣхъ тѣхъ вопросите, кому показался поступокъ сей хулы до-

достойнымъ. Они вамъ скажутъ. Всему Понту извѣстно поведеніе мое съ другомъ симъ. Кесарія о немъ вѣдаетъ; общія друзья наши знаютъ о немъ. Не пристойно было бы мнѣ предъ нимъ хвалиться. Воспоминаніе полученнаго блага должно сохранять, а забывать нами творимое. Но о сихъ моихъ чувствахъ заключать будутъ *люди по самому дѣлу.*

На большой дорогѣ въ Каппадокіи есть малое селеніе, чрезъ которое идутъ три дороги. Мѣсто, на которомъ лежитъ селеніе сіе, есть неплодное и недостойно жилища вольнаго человѣка. Въ семъ печальномъ мѣстѣ ничего не видно кромѣ пыли, и неслышно кромѣ шумнаго отъ колесницъ стука, кромѣ вопля и стенанія, кромѣ крику собирателей народныхъ налоговъ, кромѣ звука отъ цепей, и стона отъ изтязаніи произходя-

 щаго.

щаго. Нѣтъ тамо жителей вы-
ключая мимоходящихъ и шатаю-
щихся людей. Таковъ Сосимъ,
такова была церковь моя. Сей
щедрый благодѣтель, поставилъ
меня главою надъ пятїюдесятьми
Хорепископами (д), которыя бы-
ли ему не по мысли. И во увѣре-
нїе свое о предѣлахъ Сосимскихъ,
которые одинъ изъ его собратїи
хотѣлъ изхитить изъ подъ его
власти учредилъ онъ новое сїе
Епископство, въ той надеждѣ, что
я удержу въ нихъ власть его,
небоязненно за него сражаясь. Не
спорю,

(д) Хорепископами въ древней церкви назывались Намѣстные Епископы, которые въ селахъ и мѣстечкахъ управляли паствою вмѣсто Епископа. Хорепископы называются Епископы надзиратели. Сихъ сравниваетъ Гроцїй съ 70. старѣйшинами: какъ и съ самыми Епископами сравниваются Апостолы. Смотри Basilii Fabri Thesaurus подъ словомъ: chora.

спорю, что прежде сего я храбрѣ былѣ; раны полученныя за дѣло святое отнюдѣ невредны. Ко всѣмѣ симѣ неудобствамѣ присовокупить должно и необходимость завоеванія вооруженною рукою престола Епископскаго. Ибо о моемѣ мѣстѣ шелѣ спорѣ у двухѣ Епископовѣ, прящихся о первенствѣ. Раздорѣ страны моей, на который каждый взиралѣ сѣ прискорбіемѣ, усугублялѣ жарѣ сего пренія. Изѣ одной великой Митрополій дѣлали двѣ малыя. Польза душевная была тому предлогомѣ. Истинная же причина было чесполюбіе, или, чего и сказать стыдно, жадность кѣ богатству, сія плачевная пружина всѣхѣ человѣческихѣ поступковѣ.

Великій Боже! что было мнѣ дѣлать? Хвалиться ли жребіемѣ моимѣ? Отдаться ли стремленію золѣ? Ввѣриться ль бурѣ? Подавлять-

ляться ли гнусною тиною прія-
тія Епископства, изъ котораго
вскорѣ можно было меня выгнать,
и которое не служило мнѣ убѣжи-
щемъ въ старости моей. Пастырь
его столько же бѣдный какъ и па-
ства не имѣлъ въ немъ и хлѣба
предложить гостямъ своимъ. Од-
нимъ словомъ: мѣсто мнѣ назна-
ченное представляло одни только
пороки градской суеты, не имѣя
въ себѣ ничего такого, что въ
городахъ дѣлаетъ ихъ терпимыми.
Мнѣ надлежало колоться терніемъ
не видавши розы, и претерпѣвать
зло, чуждое всякаго добра.

Желайте мнѣ больше душевной
крѣпости, ежели вамъ сіе угодно,
и поставьте на мое мѣсто крѣпль-
шихъ меня. О, Аѳинское пребы-
ваніе! въ тебѣ труды наши были
общи, едино было у насъ жили-
ще, едина трапеза, единъ духъ!
такое согласіе было удивленіемъ
всея

всея Грецiи. Мы другъ другу обѣщали оставить мiръ, посвятить животъ нашъ служенiю Господню, и всѣ разглагольствiя наши единой вѣчной премудрости. Все сie забвенно, все изчезло, все попранно. Вѣтры уносятъ на воздухъ первоначальную надежду мою. Куды бѣжать? гдѣ скрыться? О дикiе звѣри! прiймите меня въ пещеры ваши. Въ васъ болѣе вѣрности, нежели въ людѣхъ.

Таково было состоянiе мое; но я сокращу сie описанiе. Преклонилъ я главу, но духъ мой не покарялся гоненiю судьбы. Какъ изобразить вамъ скорбь мою? Всякое мгновенiе раждало новое прискорбiе. Вторично предпрiялъ я бѣжати. Сокрываюсь въ горы, да безвѣстно влачити буду жизнь свою, прежде составлявшую веселiе мое. Но кая мнѣ въ томъ польза? Не былъ уже я бѣглецъ

 твер-

твердый, каковъ былъ прежде. Ни чѣмъ до селѣ непреодолимый, нынѣ всѣмъ побѣждаемый. Не снесъ я гнѣва родительскаго. Первое его стараніе было о Сосимѣ, которому хотѣлъ онъ поставить меня главою. Не возмогая получить въ томъ успѣха, соглашался неоставить меня въ низшемъ Епископствѣ, но желалъ раздѣлять со мною не подъемлемую тяжесть своего служенія, во облегченіе бремени древности своея. Чего онъ мнѣ не говорилъ, чего не предлагалъ къ вынужденію моего согласія. „О, любезнѣйшее чадо, возопилъ „онъ, отецъ проситъ теперь сына, старецъ юношу, господинъ „унижается предъ рабомъ своимъ, „отъ естества и закона ему „покореннымъ. Не требую отъ „тебя ни сребра, ни злата, ниже полей плодоносныхъ, ни чего „къ роскоши служащаго. Желаю „только приближить тебя къ

„Ааро-

„ Аарону и Самуилу, учинить тебя пріятнымъ Богу. Ты принадлежишь даровавщему тебя. Не „ отвергай обѣта моего, о сыне мой, естьли хочешь услышану сотворити молитву твою „ предъ истиннымъ Отцемъ твоимъ. Требуемое мною справедливо. Впрочемъ сіе есть родительское повелѣніе. Ты не жилъ „ еще столько времяни, сколько я „ отправляю Епископское служеніе. „ Сотвори мнѣ милость сію о сыне мой! или пусть другой кто „ изкопаетъ могилу мою. Вотъ „ наказаніе, желаемое тебѣ за непослушаніе твое. Не требую „ большія жертвы. Постигающій „ меня часъ смертный сдѣлаетъ „ всему окончаніе. А ты послѣ „ будешь дѣлать то, что тебѣ „ угодно.„

Отъ сихъ словъ такое послѣдовало въ душѣ моей дѣйствіе,

 ка-

каковое производитъ солнце надъ облаками. Облегчилось нѣсколько тяжкое бремя, сердце мое удручающее. Какоежъ было намѣреніе мое? Гдѣ скончавались мысли меня колебавшіе? Я удостовѣрилъ себя, что ничто не препятствовало мнѣ принять предложеніе родителя моего, всячески убѣгая вступить на престолъ Епископскій. Я мнилъ, что не можно сдѣлать меня насильно Епископомъ, ибо я ни провозглашенъ, ниже согласенъ не былъ. Толь много боялся я сана Епископскаго.

По отшествіи родителей моихъ отъ сея жизни въ блаженное наслѣдіе, съ толикою твердостію ими желаемое, учинился я независимымъ. Но, коль плачевная свобода! не посѣщалъ я ввѣренной мнѣ церкви; не приносилъ во храмѣ безкровныя жертвы, не соединялъ молитвы моей съ молитвою на-

народную, не рукополагалъ ни одного церковнослужителя. Признаюсь однако же, что по усильному настоянію нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей, предвидящихъ безпорядокъ могущій послѣдовать отъ нечестивыхъ, имѣлъ я нѣсколько время попеченіе и о церквѣ, отцемъ моимъ управляемой, но яко посторонній правитель добра отнюдь мнѣ непорученнаго. Часто сказывалъ я Епископамъ, прося ихъ изъ глубины сердца моего, яко объ особливой милости, чтобъ они снабдили церковь пастыремъ. Вопервыхъ я не ложно свидѣтельствовался тѣмъ, что я никогда, ни какимъ собраніемъ, ни въ которомъ Епископствѣ учрежденъ не былъ, присовокупляя къ тому то, что я всегда имѣлъ твердое намѣреніе оставить дѣла и друзей. Не могъ я ихъ увѣрить; всѣ настояли, всѣ убѣдить меня хотѣли, одни по чрезвычайной дружбѣ,

другіе, можетъ быть по самолюбію и гордости.

Вскорѣ удалился я въ Селевкію, гдѣ воздвигнутъ храмъ посвященный Ѳеклѣ, сей прославленной дѣвѣ. Уповалъ я, что рѣшатся они со временемъ ввѣрить другому кому мѣсто отъ коего я отрекся. Пребылъ я довольно времени въ семъ градѣ, и въ немъ подпалъ я равной бѣдѣ; ожиданное мною не сбылося, а то чего я убѣгалъ совокупилось паки къ новому моему страданію.

Чувствую, что духъ мой освѣщается. То, что хочу возвѣстить извѣстно тѣмъ, коимъ говорю. Знаю, но хочу, чтобъ и отдаленные утѣшались словами. Бѣсѣда сія усладитъ ихъ, покроетъ студомъ враговъ моихъ, засвидѣтельствуетъ предъ друзьями моими невинное страданіе мое, и

и покажетъ, что я никого не обидѣлъ.

Нѣтъ въ мірѣ двухъ солнцевъ; но есть два Рима, по истинѣ свѣтилы міра. Единъ древній, другій новый. Положеніемъ мѣстъ различны. Первый блистаетъ на западѣ солнечномъ; вторый зритъ его отъ моря восходящее. Оба равны въ красотѣ своей. Вѣра же древняго Рима была всегда непорочна и чиста отъ рожденія церкве, и нынѣ таковою же пребываетъ. Ученіе его связуетъ весь западъ спасительнымъ союзомъ единыя вѣры. Достоинъ онъ преимущества сего, первенствомъ своимъ надъ всѣми церквами, и своимъ совершеннымъ служеніемъ возсылаемымъ существу и согласію Божію (е).

Новый

(е) Τὴν πρόεδρον τῶν ὅλων
Ὅλην σέβουσαν τὴν Θεοῦ συμφωνίαν.

Св.

Новый Римъ былъ нѣкогда твердъ и неколебимъ въ вѣрѣ своей. Увы! весьма потомъ измѣнился. Сія церковь, бывшая исперва единаго со мною исповѣданія, нынѣ же отмѣннаго, зрѣла себя снисходящу въ сѣнь смертную, съ того времени какъ Александрія, градъ безумный и мятежный, вина толикихъ раздоровъ и замѣшательствъ, произвелъ на свѣтъ Арія, сію мерзость запустѣнія (ж), сего Арія во первыхъ сказавшаго, что Троица не достойна нашего высочайшаго почтенія, дерзнувшаго искать разность въ одномъ и томъ же существѣ, дер-

---

Св. Григорій употребляетъ стихотворное выраженіе, довлѣющее ознаменовать Пресвятую Тройцу, которыя Гармонію Арій дѣйствительно обезображивалъ различая три Существа разныхъ.

(ж) Βδέλυγμα Ἐρημώσεως.

дерзнувшаго раздѣлять на неравныя vпостаси нераздѣльное существо. Отсюду разныя ереси насъ раздирающіе!

Между тѣмъ, несчастный градъ сей, предавшійся таковымъ заблужденіямъ, получившимъ по времени вѣроятіе, ибо долговременное употребленіе пріобрѣтаетъ силу законовъ; градъ бѣдственно умершій истинѣ, сохранялъ еще слабое сѣмя жизни, имѣлъ нѣсколько вѣрныхъ, числомъ хотя не многихъ, но великихъ предъ Богомъ, не смотрящимъ на множество, но на качество сердецъ. Духъ святый удостоилъ меня посланнымъ быти въ помощь избранному сему гроздію, драгоцѣннымъ остаткамъ винограда его. Были удостовѣрены, что не взирая на суровую и пустынную жизнь мою, возмогу я воздѣлать съ успѣхомъ ниву Господню. Многіе въ пастыряхъ

ряхъ и членахъ словеснаго стада призывали меня прохладить росою слова изсохшія и неплодныя души, возлить елей ученія во свѣтильники погасать начинающіе, раздрать покровъ ложныхъ разсужденій, хитросплетенныхъ умословій, плѣняющихъ вѣру простосердечныхъ; развѣять лопатою убѣдительнаго наставленія плевелы ложнаго умствованія; и прервать слабыя паутины, уловляющіе легкомысленные души, крѣпльшими презираемыя; и расторгнуть наконецъ сѣти, уловившіе сихъ несчастныхъ.

Пришелъ я не собственною моею волею, но привлеченъ силою на защищеніе истины. Прошелъ слухъ, что собравшіеся Епископы долженствовали ввести въ церкви свои новую ересь. Ужасные сіи догматы отвергали соединеніе Бога Слова съ человѣчествомъ, принятымъ

отъ

отъ него въ вочеловѣченіи безъ перемѣны въ существѣ своемъ, облекшись душею, духомъ и страждущимъ тѣломъ. Новый Адамъ во всемъ подобный древнему развѣ грѣха. Ерешикъ вводилъ Бога безъ души (з), аки бы опасаясь, что душа съ божествомъ несовмѣстна, чего бы скорѣе въ разсужденій плоти бояться надлежало; ибо оная отстоитъ гораздо далѣе отъ божества. Богъ, по сему толку, долженъ бы ни во что вмѣнить душу, главнѣйшую цѣль избавленія его, сію душу, которыя паденіе причинило паденіе перваго человѣка. Сія то душа получила законъ, и его отвергла. Слѣдовательно съ согрѣшившею подобало соединиться безгрѣшному Избавителю. Такъ; Слово не спасетъ меня несовершенно, меня подвергша-

(з) Аполлинаріи училъ, что Слово приняло тѣло, неодаренное умомъ, вмѣсто котораго служило ему божество

шагося слѣдствіямъ грѣховнымъ на всегдашнее время. Богъ не унизится до того, чтобъ принять единую только персть съ душею неразумною и чувственною, сродную скотамъ, и спасти единую только глыбу одушевленную. Беззаконный смертный, вотъ слѣдствія положеніи твоихъ; они мерзски въ очахъ благочестивыхъ.

Несмысленные враги блаженнаго согласія двухъ естествъ, суть толико же виновны, колико и исповѣдующіе двухъ сыновъ, единаго Божія, другаго Дѣвыя. Первые раздѣляютъ Сына Божія, вторыя умножаютъ Его. Въ плачевномъ семъ умствованіи страшился бы я двухъ вещей; первой, въ самомъ дѣлѣ почитать два Бога, или во избѣжаніи сего излишества, отдѣлить отъ Бога то, что по истинѣ съ нимъ соединенно. Безъ сомнѣнія, что Богъ не терпитъ

питЪ отнюдь того, чему подлежитЪ страстная плоть; а какЪ вЪ воплощеніи естество человѣческое соединилось сЪ божествомЪ во всемЪ ея пространствѣ не яко ПророкЪ, или всякій другій человѣкЪ богодухновенный, участвующій вЪ БожественныхЪ вещахЪ, но существеннымЪ образомЪ, и вЪ своей сущности, подобно какЪ солнечные лучи единаго тѣла суть сЪ солнцемЪ.

Да удалятся отЪ насЪ нечестивые, не возсылающіе чести Богочеловѣку вЪ единой Упостаси, усыновляющему и усыновленному, предвѣчному Существу, и воплотившемуся во времени, единородному Сыну единаго Отца и единыя Дѣвы; словомЪ, неисповѣдающіе двухЪ естествЪ, во Христѣ соединенныхЪ.

Но каково было состояніе мое по прибытіи вЪ Константинополь?

 Коли-

Колико претерпѣлъ я тамъ противностей и золъ? Вскорѣ весь градъ на меня ополчился. Думали, что ввожу я многобожіе, вмѣсто проповѣданія единаго истиннаго Бога. Не удивительно сіе; ибо заблужденіе ослѣпляетъ умъ. Не вѣдали они вѣры православныхъ, не вѣдали какъ Божіе единство составляетъ Троицу, и Троица соединяется во Единицу. Сугубое таинство, вѣрою постигаемое!

Народъ охотно заступаетъ страждущихъ. Жители Константинопольскіе сожалѣли о пастырѣ своемъ. Набожность вооружала ихъ ко защищенію его. Возгордѣвшись многочисленностію своею почитали они себѣ обидою неисполненіе хотѣнія своего. Молчаніемъ прейду тучу камней, отяготѣвшую бросаніемъ ихъ надъ главою моею. Единымъ упрекну имъ тѣмъ, что оставили меня жива.

Представленъ я потомъ судіямъ гордымъ и дерзскимъ. Законъ ихъ былъ привлеченіе народное. Я же ученикъ слова не сотворилъ никогда, ниже предпріялъ когда сотворити что либо несправедливое. Христосъ пришелъ въ помощь мою, взялся за дѣло мое, и защищалъ его самъ моими устами; Христосъ сильный и поклоняемый, вѣдящій пріобучать льва ко страннолюбію, преложить пламень въ росу юныхъ ради почитателей, и во утробѣ китовѣ составить пѣснь молебную; Христосъ благоволилъ дати мнѣ побѣду надъ гордымъ судилищемъ. Вскорѣ зависть друзей моихъ отрыгнула. Они хотѣли силою согласить меня съ ихъ Павломъ и Аполлономъ, не облекшихся насъ ради плотію и не пролившихъ за насъ кровь свою; но не взирая на сіе лучше желаютъ они заимствовать отъ нихъ свое названіе, нежели отъ Спаси-

теля всѣхъ человѣковъ. Бунтующіе умы сіи все колеблютъ, все развращаютъ, и въ самое то время не мнятъ разрушать тишину и благоденствіе церковное. Ахъ! какой корабль, какой градъ, какое воинство, какое общество, словомъ: какой домъ стоять бы могъ, ежели бы внутри себя содержалъ онъ вещи, болѣе споспѣшествующія паденію, а не сохраненію его?

Вотъ что претерпѣвалъ тогда народъ вѣрный прежде пріобрѣтенія надлежащей крѣпости, прежде изшествія изъ пеленъ, и ходящій слабою и невѣрною стопою по лицу земли. Знаменитыя и драгоцѣнныя дѣти сіи поражены уже были ударами, низложены и разторгнуты хищными волками въ глазахъ своихъ родителей, волками, насыщающимися звѣрскою радостію зрѣть меня безъ рода, безъ племени, безъ паствы. Не

могли они терпѣть человѣка слабаго, согбеннаго, поношеніемъ покрытаго, смотрящаго долу, отъ слезъ изсохшаго, изнуреннаго постомъ и будущаго суда страхомъ, взоромъ своимъ ничего необѣщавающаго, странника, всегда почти въ пещерахъ обитавшаго, и не взирая на то, торжествующаго надъ блещущими и всѣхъ довѣренностію украшенными врагами своими. Таковы, или подобные симъ были разговоры ихъ: „ Мы ласкаемъ, а ты нѣтъ;
„ мы обращаемся съ вельможами,
„ а ты въ молитвѣ упражняешься;
„ мы любимъ пріятныя яствы,
„ а тебѣ и грубой пищи довольно:
„ довольствуясь солію презираешь
„ ты роскошь трапезы нашей. Мы
„ покаряемся обстоятельствамъ
„ и угождаемъ желанію народному.
„ Корабль нашъ несется всегда
„ вѣтромъ счастія, и подобно
„ Полипу и Хамелеону рѣчи наши

„ превращаются, а ты, яко столпъ
„ неподвижный. Какая гордость!
„ ты кажешься законодателемъ,
„ съ упрямствомъ ограничиваешь
„ ты законы истины. Не возмо-
„ жно слѣдовать за тобою въ тво-
„ ихъ хитро сплетенныхъ умство-
„ ваніяхъ. Къ чему уклоненіе сіе
„ отъ пространныхъ разговоровъ,
„ служащихъ намъ ко уловленію
„ простаго народа, и на что съ
„ толикимъ искусствомъ пуща-
„ ешь стрѣлы на тѣхъ, коихъ
„ разныя заблужденія ты опровер-
„ гаешь? Отнюдь намъ не подо-
„ бяся держишь ты въ одной ру-
„ кѣ пращу, въ другой магнитъ,
„ смотря, со врагомъ ли, или съ
„ другомъ разговариваешь, дабы,
„ разсуждая по надобности, онаго
„ поразить, а сего привлещи.„

„ Естьли все сіе недостойно
„ порицанія, какъ и въ самомъ
„ дѣлѣ то истина, такъ чѣмъ же

„ вы

„ вы оскорбляетесь, и по что творите жалобы? Естьлиж напротив того поступок мой хулы достоин, и вам таковым кажется, то судите безпристрастно, судите, яко достойные судіи божественнаго правосудія. „ Разите виннаго, щадите народ, „ тѣм одним виновный, что „ меня любит, и покаряется мо„ ему ученію.„

До сих пор мог я еще сносить начальное злодѣйствіе сіе; ибо хотя вскорѣ поколеблем я был дерзскими сими извѣстіями, яко человѣк, внемлющій страшный стук, или ослѣпленный внезапным молніи блеском, но поражен я не был и противустоял всѣм сим злоключеніям. Вид счастливыя перемѣны, и надежда не впасть впредь в таковое несчастіе, питали терпѣніе мое посреде толиких бѣд. Но коли-

кія бѣдствія ожидали меня. Ахъ, како возвѣщу ихъ! Мрачный демонъ, вина толикихъ золъ! какими средствами свершилъ ты бѣдоносныя твои намѣренія? Не потопили меня воды, въ кровь преложенныя, ниже другія раны поразили меня, ни жабы, ни саранча, ни дикіе звѣри, ни градъ, ниже осязаемая тьма, ни смерть первородныхъ, сей послѣдній ударъ раздраженнаго неба. Язвы сіи были ужаснымъ наказаніемъ жестоковыйнаго Египта. Не гнались за мною до морской пучины. Чтожъ могло довести меня до толь жестокія крайности? легкомысліе Египтянина. Возвѣщу, какъ сіе произходило; ибо нужно то объявить; надлежитъ памяти впечатлѣть вѣчное его безчеловѣчіе.

Былъ прежде сего во градѣ Константиновѣ женоподобный мужъ, привидѣніе Египетское, бѣсную-

нующійся скверный Циникъ, рабъ народный, мнимый Марсъ, нѣмое животное, чудовище, рыжъ и смуглъ, власы имущій курчеваты и кратки, соединяющій цвѣтъ природный съ цвѣтомъ, искусствомъ произведеннымъ: и искусство имѣетъ даръ творенія. Мужи яко жены упражняются въ чесаніи волосъ, въ посыпаніи на нихъ злата. По чтожъ наши Философы не красили лицъ своихъ также какъ и жены философствующія? По что бы однѣ только жены носили соблазнъ на челахъ своихъ, сей знакъ, изображающій роскошь и развратность во нравахъ. И такъ кудри Максимовы давали уже проразумѣвать, хотя онъ и притворялся, что должно было считать его въ числѣ женъ. Таковы суть чудеса нынѣшнихъ Философовъ. Природа раздѣляяся соединяетъ оба пола. Единый и тотъ же человѣкъ по головному убору жена,

а по палицѣ Философъ. Презрительныя украшенія сіи надували Максима гордостію; мнилъ онъ чрезъ нихъ пріити въ почтеніе у великихъ и малыхъ. Все его ученіе состояло въ уборѣ. Молва повѣдала намъ приключенія жизни его; и такъ не для чего о нихъ упоминать здѣсь. Имѣющіе излишнее время пусть въ томъ упражняются. Исторія о немъ находится въ запискахъ судейскихъ. Но не смотря на все сіе достигнулъ онъ до Епископства Константинопольскаго.

Безъ сомнѣнія былъ онъ хитръ и пронырливъ. Да и въ самомъ дѣлѣ надлежало быть лукаву и скрыту, дабы возмочь изгнать отъ престола Епископскаго насъ, не имѣвшихъ другаго достоинства ни должности, кромѣ бдѣнія надъ народомъ и поученія его. Но верьхъ хитрости своей показалъ онъ

онъ тѣмъ, что къ благопоспѣшному намѣренія своего исполненію употребилъ онъ меня самаго. Имѣлъ онъ предо мною такое преимущество, какое всякій, искусный въ беззаконіяхъ льстецъ имѣетъ предъ человѣкомъ, чуждымъ обмана и лести. Дарованія мнѣ сіи были не извѣстны. Обучился я только разтворять не многою мудростію разговоры мои, и проникать въ истинный разумъ книгъ Божественныхъ.

Сіе подаетъ мнѣ поводъ къ разсужденію, можетъ быть неосновательному. Желательно было бы, чтобъ въ мірѣ были или только плуты, или одни справедливые люди. Менѣе бы человѣки другъ друга вредили, естьлибъ они были равно или льстецы, или чистосердечны.

Нынѣ добрые жертвуются злыми. Какое странное смѣшеніе

въ

вѣ сложеніи тварей, и коликое различіе устроило всевышнее Существо между ими! по какому указанію честный человѣкѣ узнаетѣ коварнаго предателя, поставляющаго сѣти, хотящаго уловити, и ядовитыя мысли тьмою различныхѣ коварствѣ изощряющаго? Склонный кѣ порокамѣ не удобно всякому ввѣряется, не испытавѣ его прежде сѣ осторожностію; но благодѣтельный и знающій только доброе не можетѣ имѣть и намѣренія лукаваго. Тако удобовѣроятное и доброе сердце впадаетѣ вѣ сѣти злобныя.

Хочете ли вѣдать, какѣ сіе сдѣлалось? Воззрите на сего новаго Египетскаго Протея. Онѣ былѣ вѣ числѣ тѣхѣ, на вѣрность и привязанность коихѣ я наиболѣе полагался. Увы! никто ко мнѣ лучше не былѣ тогда Максима. Онѣ жилѣ, пилѣ и ѣлѣ со мною вмѣ-

вмѣстѣ. Участвовалъ въ ученіи и совѣтахъ моихъ. Не дивитеся сему; тогда онъ гналъ еретиковъ и обо мнѣ съ удивленіемъ говаривалъ. Но тогда же, говоря съ правящимъ, духовенствомъ и пылалъ завистію, происходящею отъ гордости, отъ перваго сего грѣха человѣческаго. Непримиримая зависть, которыя корень толь глубокъ, и потому толико труденъ ко изтребленію, зависть, говорю, господствовала тогда въ мѣстахъ сихъ. Во святилище избралъ онъ двухъ себѣ помощниковъ, двухъ человѣкоубійцъ; съ помощію ихъ породилъ онъ аспида. Первый былъ истинный Веліалъ, бывшій прежде свѣтлымъ Ангеломъ; вторый членъ моего духовенства лютый варваръ, невидѣвшій отъ меня никакого озлобленія, и вчиненный на мѣстѣ честномъ и славномъ, зачавшій въ утробѣ своей звѣрскую и ужасную ко мнѣ ненависть.

То-

Тобою, Христе мой, свидѣтельствуюсь; Тобою, Судіе немытный, ежели дозволяется въ подобныхъ дѣлахъ призывать Тебя во свидѣтели: проліялъ ли довольно слезъ я грѣшный? Свѣтлое и ясное небо помрачается, и тьма приходитъ отъ Египта.

Отъ сей избранныя земли Израилевой немедленно прислали къ намъ соглядателей, не такихъ, каковы были Іисусъ и Халевъ, но хуждшихъ изо всего юношества и старѣйшинъ, Аммоновъ, Апамновъ, Арпократовъ, Стипліевъ, Родоновъ, Анубисовъ, Германубисовъ, идоловъ Египетскихъ, или демоновъ въ образѣ псовъ и обезьянъ, матросовъ, рабовъ, проданныхъ за низкую цѣну, принесшихъ съ собою боговъ, еще низшаго разбора. Послѣ сихъ посланниковъ прибыли достойные начальники сей фаланги, или лучше сказать пасты-

пастыри безсловеснаго сего стада. Не скажу о томъ ничего, хотя трудно воздержаться. Новое вино не сильнѣе дѣйствуетъ на мѣхъ, его содержащій, ниже воздухъ на кузнечные мѣхи. Но я умалчиваю изъ почтенія къ пославшему ихъ. Легковѣріе не дѣлаетъ его толь много виновнымъ. Прощаю и другимъ; они нѣкоторымъ образомъ заслуживаютъ извиненія. Грубое невѣжество затворяло очи ихъ, дабы не видѣти рва, въ который ввергала ихъ злоба, вооруженная противу меня лютѣйшею завистію.

Вотъ задача, которую я, рѣшить не возмогши, предаю на разсмотреніе искуснѣйшихъ Философовъ: возможно ли, чтобъ сей Петръ, начальникъ пастырей, пославшій къ намъ любезныя посланія, въ коихъ господствовали миръ и тишина, признавшій насъ закон-

законнымъ Епископомъ Великаго Константина града, внезапу перемѣнилъ поступокъ свой, и вмѣсто Ифигеній принесъ серну? (і) Поведеніе его требуетъ дѣйствительно изъясненія. Что страннѣе сего видѣли вы на позорищи, гдѣ часто худыя представляются вещи? слѣдующее покажется смѣха достойнѣе: піяница утверждалъ, что вино всего лучше; сластолюбецъ думалъ, что ничто съ красавицею сравняться не можетъ. Философъ заключалъ, что мудрость всему предпочтена быти долженствовала, а я мнилъ, что предъ золотомъ все ничто; сей металлъ на все дѣйствуетъ и всемъ управляетъ. Неудивительно, что благи міра сего болѣе надъ нами имѣютъ силы, нежели выгоды от-

(і) Пословица, извѣстная во всей Греціи, употребляемая во означеніе нечаянной, или непредвидѣнной вещи.

отвлеченныя, умныя. И безстыдному Максиму понадобились деньги. Какимъ же обрѣлъ онъ ихъ средствомъ?

Священникъ изъ острова Тасса пріѣхалъ въ Константинополь за покупкою проконическаго мармора для церкви своей. Максимъ съ помощію друзей своихъ овладѣлъ и сердцемъ и душей сего священника. Безчестные люди скоро дружатся. Онъ уловилъ его лестію, надежно овладѣлъ деньгами его и употребилъ оныя на заплату сотоварищей своихъ и единомышленниковъ, въ коихъ имѣлъ онъ нужду. Слѣдствія отсюда были слѣдующія: оказавшіе мнѣ сначала великое почтеніе и любовь, будучи теперь удостовѣрены, что бѣдный другъ безполезенъ, презираютъ и ругаются мною. Хуждшая вещь становится лучшею, ежели злато перевѣшиваетъ.

Ночью то случилось, во время моей болѣзни. Какимъ образомъ лютые волки украдкою влазятъ въ овчарню и съ яростiю на овецъ бросаются, такъ и друзья Максимовы, сопровождаемы подкупленною толпою Александрiйскихъ мореходцовъ, съ пламенниками города сего входятъ тайно въ церковь, и начинаютъ постановленiе Максимово, не увѣдомивъ о томъ народъ, ниже начальниковъ, не удостоя и насъ предваренiемъ. Сказывали они, что всѣ дѣлаютъ по повелѣнiю. Такъ завсегда чтитъ Александрiя труды и заслуги. Ахъ! желаю я всѣмъ вамъ судiю благопрiятнѣйшаго.

Насталъ день. Церковнослужители, живущiе около церкви, раздражились услышавъ о семъ злодѣянiи. Вдругъ слухъ о немъ разнесся. Гнѣвъ былъ общiй: начальники, иностранные и самые

Еретики возъярились. Всѣ съ удивленіемъ взирали, какъ труды мои худо награждаются. Что еще говорить мнѣ? Египтяне, видя неудачу въ покушеніи своемъ, ушли изъ церкви, терзаяся стыдомъ и яростію. Но чтобъ злоумышленіе ихъ не было безполезно, то спѣшили они свершить начатое ими. Сіи достопочтенные и безъ сомнѣнія пріятные Богу люди, сопровождаемы чернію, вошли въ домъ одного свирѣльщика. Тамо постригли они Максима, и совершили посвященіе злѣйшаго во всѣхъ пастыряхъ, безъ всякаго отъ него прекословія и безъ малѣйшаго принужденія. Ничто не удерживало безстыдства его. Въ минуту отрѣшились прекрасные его волосы, толь долго упражнявшіе искусство волосочесателя. Единая услуга, принесенная дѣйствіемъ симъ, была та, что открылось таинство волосъ его, содержащихъ въ себѣ

 силу,

силу, подобную бывшей во власахъ Самсоновыхъ. Можно было сравнить его съ симъ судіею Исраилевымъ, коего хитрая жена пожертвовала безпокойными и длинными кудрями непріятелямъ своего супруга. И такъ избрали пастыря сего между псами, но скоро сдѣлался онъ волкомъ изъ прежде бывшаго пастыря. О стыдъ! о безчестіе! увидѣлъ себя безъ волосъ и безъ стыда, и питался не мясомъ стадъ своихъ, но гнусными своими склонностями. Несчастный! что ему дѣлать? не запустить ли опять волосъ, или быть безъ нихъ посмѣшищемъ? и то и другое стыдно; признаюсь. Кромѣ веревки, средства не вижу. Но какое употребленіе хочешь ты сдѣлать изъ волосъ своихъ? Годятся ли они на театръ, или молодымъ дѣвицамъ, симъ Коринѳскимъ дѣвицамъ, съ которыми ты одинъ жилъ, и училъ ихъ совершенному бла-

благочестію. Послѣ сего достоинъ ты называться псомъ небеснымъ.

Между тѣмъ весь городъ толь тронутъ былъ симъ произшествіемъ, что всякое людей состояніе въ томъ участвовало. Со всѣхъ сторонъ хулили Максима, и винили поведеніе и нравъ его. Никто его нещадилъ. Каждый расказывалъ о немъ, что вѣдалъ, дабы составить подробную повѣсть о совершенно зломъ человѣкѣ.

Жестокія болѣзни открываютъ въ тѣлѣ человѣческомъ неизвѣстныя прежде скорби. Подобно и послѣднее сіе Максимово дѣло понудило къ изъисканію и познанію прочихъ въ жизни его произшествій. Но я не берусь обо всѣхъ расказывать. Довольно, они были извѣстны. Какія раны онъ мнѣ ни нанесъ, но прежняя дружба наша удерживаетъ

языкѣ мой. Ибо не давно, скажутѣ мнѣ, былѣ ты его другомѣ, превозносилѣ его похвалами. Вотѣ что противоположатѣ мнѣ бывшіе тогда свидѣтели, и будутѣ имѣть право хулить угожденіе мое человѣку недостойному почтенія и хвалы моей.

Подлинно, что невѣдѣніе мое было непростительно. Я прельщенѣ былѣ, яко Адамѣ, плодомѣ горькимѣ, снаружи только краснымѣ. Я уловленѣ словами и свидѣтельствомѣ его вѣры, изображавшимися на лицѣ его. Ничего нѣтѣ легче, какѣ обмануть того, кто никого не обманываетѣ. Наружное благочестіе ложное, или истинное влечетѣ сердце за собою. Порокѣ сей можетѣ назваться честнымѣ порокомѣ; удобно вѣрить тому, чего желаешь. Чтожѣ было мнѣ дѣлать? Скажите умные люди, что бы вы сами на моемѣ мѣстѣ сдѣлали? Церковь была вѣ пла-

плачевномЪ состоянiи; едва я могЪ собрать класы на нивѣ Христовой. Служители церкви меньше имѣютЪ власти вЪ ея гоненiи, нежели вЪ благоденствiи; довольно для меня было вЪ тогдашнихЪ обстоятельствахЪ и того, что я могЪ вручить стадо какому ни есть пастырю, исповѣдавшему Iисуса Христа, а не ложныхЪ боговЪ. Я же вЪ немЪ видѣлЪ большее достоинство; ибо я думалЪ, что онЪ изгнанЪ былЪ за вѣру, а не ради поносныхЪ его студодѣянiи. Наказывали его какЪ злодѣя, а я вЪ немЪ видѣлЪ торжествовавшаго исповѣдника. Естьли сiе вЪ порокЪ мнѣ причтете, то я часто впадалЪ вЪ подобные. Простите мнѣ, о судiи мои, простите толь красное преступленiе. ОнЪ былЪ злой человѣкЪ, знаю; но я думалЪ, что онЪ человѣкЪ добрый, и почиталЪ его таковымЪ; виноватЪ, обманулся.

Но я излишне себя оправдываю. О языкЪ неосторожный! языкЪ нескромный! Пусть исторгнутЪ его у меня безЪ жалости. Уже ли нѣтЪ его? Но чтобЪ то ни было, молчу и долго буду молчать; надлежитЪ наказать языкЪ мой за все не у мѣста сказанное. НадлежитЪ ему вѣдать, что не всѣмЪ людямЪ нравятся разговоры его. Но для чего? Единое присовокуплю еще слово.

Злоба худо разсуждаетЪ. Ежели не можно исправить благодѣяніемЪ, такЪ какоежЪ остается средство кЪ исправленію? КаковЪ былЪ нравЪ его? порочный, такЪ какЪ и поведеніе. Ежели сіе истинно, не ищите ничего болѣе; естьлижЪ не правда, такЪ не имѣйте вѣры кЪ первоначальнымЪ обвиненіямЪ. На сіе что скажете?

И такЪ по дѣламЪ изгнанЪ онЪ былЪ изЪ Константинополя. Ѳеодосій, побѣдитель варваровЪ,

былЪ

былъ тогда въ Өессалонѣ, въ сей преградѣ отъ набѣговъ варварскихъ. Къ чему же намѣревается безстыдный Максимъ? непрестанно сопровождаемый Египтянъ толпою, его избравшею, является онъ во станѣ съ тѣмъ, чтобъ изходатайствовать у Императора повелѣніе, могущее его удостовѣрить въ престолѣ Патріаршескомъ. Государь отринулъ его съ презрѣніемъ и гнѣвомъ. Клевета при Дворѣ на насъ еще не зіяла, затыкали еще тамо уши отъ лжесвидѣтельства. И такъ обратилъ онъ всѣ силы свои къ Александріи, обратилъ и удалось ему. Нагоняетъ страхъ на Петра, имовѣрнаго сего Епископа, устрашаетъ подкупленною своею толпою робкаго сего старца, и нудитъ его ко удержанію себя на престолѣ Патріаршескомъ, угрожая изгнаніемъ изъ Александріи, естьли онъ не подкрѣпитъ его.

Правящій тою страною, имѣя причину опасаться, чтобъ искра сія не произвела пожара, выгналъ сего зажигателя. Теперь онъ кажется спокойнымъ. Но я боюсь, не густый ли то и мрачный облакъ, носимый бурными вѣтрами, наконецъ могущій разсѣсться, разторгнуться и низпустить на неосторожныхъ ужасный градъ свой. Развращенный разумъ никогда покоинъ не бываетъ: ничто его не удерживаетъ. Таковы нынѣшніе Философы. Они суть псы лающіе; достойны они имени Циниковъ. Да не сравняется съ ними Діогенъ, ни Антисѳенъ. Да не приближится къ нимъ Кратесъ. Платонъ единъ презрѣнія достоинъ. Ничего и Портикъ не значитъ. И ты Сократъ не первенствуешь уже въ соборѣ мудрыхъ! произнесу опредѣленіе вѣрнѣе Делфійскаго. Максимъ превосходитъ премудростію всѣхъ человѣковъ.

Я же столько привыкъ къ несчастію, сколько можно къ нему привыкнуть, испытывалъ его во всякое время, и нынѣ опыты со мною продолжаются. Претерпѣлъ многія опасности на земли и мори. Ужасъ, отъ онаго во мнѣ впечатлѣнный, былъ послѣ для меня пріятенъ. Онъ научилъ меня возвышать душу на небо и удаляться отъ суеты земной. Но не могъ я однакоже сносить учиненной мнѣ обиды постановленіемъ недостойнаго сего пастыря. Я прилѣпился къ сему случаю. Друзья мои въ осторожность мою стерегли изходы и тайные пути. Еретики на оные полагали надежду свою; знаютъ они, что расколъ раззоряетъ вѣру. Видя таковый безпорядокъ, и не могши сносить его, принялъ я намѣреніе, означавшее, безъ притворства сказать, болѣе простоты, нежели благоразумія. Я перемѣнилъ, какъ говорятъ,

рятъ, шествіе моего корабля, но безъ всякаго искусства. Никто въ томъ сомнѣваться не могъ. Единое слово, извлеченное изъ моей отческой утробы, предало тайну мою. „Внемлите, возо„пилъ я, въ нѣкоторомъ моемъ „словѣ, чистому троичному уче„нію, коему чадолюбивый отецъ „научалъ дѣтей, о которыхъ всег„да онъ сожалѣть будетъ. О дѣ„ти мои! воспомните труды мои.„ Едва произнесъ я слова сіи, единъ изъ собранія воскликнулъ. Народъ возстаетъ и вопль свой соединяетъ съ его воплемъ. Рой пчелъ, дымомъ внезапу подкуренный, съ меньшею яростію вылетаетъ. Мужи, жены, юные обоего пола, дѣти, старцы, благородные и худородные, начальники, воинскіе чиновники, всѣ живо свидѣтельствуютъ любовь къ пастырю, ненависть ко врагамъ моимъ. Непристойно было уклоняться, ни удер-

удерживать мѣсто, данное мнѣ не совсѣмъ по правиламъ, оставивъ то, на которое былъ я произведенъ по всѣмъ установленіямъ. И такъ взялись за другое средство, да побѣдятъ меня. Прибѣгаютъ къ прозьбѣ и моленію. Заклинаютъ меня остаться вспомоществовать имъ и не оставить бѣднаго стада на съѣденіе волкамъ. Какъ было удержать теченіе слезъ? О любезная *Анастасія*! о драгоцѣннѣйшій всѣхъ храмовъ! подкрѣпившій падающую вѣру! ковчегъ Ноевъ! ты единъ спасся отъ всемирнаго потопа, ты носишь въ утробѣ своей новый міръ, міръ православный. Какое множество стекалось тогда во стѣны твои! дѣло шло о рѣшеніи, народъ, или я получу верьхъ. Я былъ въ срединѣ сего народа, былъ въ молчаніи и замѣшательствѣ, не могшій укротить голосовъ, ниже обѣщать требуемаго.

Не

Не должно мнѣ было соглашаться, а отказаться я боялся. На силу дышать могъ отъ несноснаго жара. Потъ обливалъ тѣло мое. Жены а паче матери вопили, дѣти плакали. —— День преклонялся. Всѣ съ клятвою утверждали, что не выдутъ изъ храма, хотябъ стѣны разрушенiемъ своимъ ихъ подавили, когда я не соглашусь на желанiе ихъ. Тогда услышалъ я голосъ, произнесшiй слова сiи, коихъ бы лучше не слышать мнѣ: о отче мой! вмѣстѣ съ собою изгоняешь ты Троицу. Вопль сей привелъ меня въ трепетъ. Опасался слѣдствiи его. Я не далъ клятвы; ибо смѣю похвалиться предъ Господемъ, что не клялся отъ крещенiя моего, но обѣщалъ, и меня столько знали, что повѣрили одному моему слову, что я останусь въ Константинополѣ до прибытiя нѣкоторыхъ Епископовъ, и въ самомъ

момѣ дѣлѣ нѣкоторыхѣ ожидали. Я ласкался, что прибытіе ихѣ будетѣ минутою моего избавленія. Такѣ мы разстались другѣ со другомѣ, они думали, что побѣда на ихѣ сторонѣ, потому что они меня удержали, а я мыслилѣ, что остался побѣдителемѣ я, для того что вскорѣ надѣялся отѣ нихѣ удалиться. Вѣ такомѣ положеніи были дѣла, и слово Божіе получило новое сіяніе; вѣра паки взяла силу свою, подобно всколебанной фалангѣ, которой помѣшанные ряды искусный предводитель устроеваетѣ, или крѣпости, у которой пробитыя стѣны бдящій художникѣ паки задѣлываетѣ. Люди единаго со мною ученія, будучи очевидными свидѣтелями всего мною претерпѣннаго, соединились мнѣ и любовію, и чрезѣ то угодили Святой Троицѣ, давно изгнанной изѣ сего города, или, такѣ сказать, совер-

вершенно въ немъ истребленной. Троичное поклоненіе возвращалось въ оной яко странникъ, хотя градъ сей былъ отечествомъ его. Возвращеніе сіе по толикихъ перемѣнахъ ознаменовало воскресеніе, и подтвердило мертвыхъ возстаніе. Можетъ быть нѣкоторые привлечены моими словами, другіе взирали на меня яко на сильнаго борца; иные чаяли видѣть во мнѣ дѣло рукъ своихъ: а вы, о томъ не знающіе, научитесь отъ тѣхъ, кои то вѣдаютъ, а вѣдающіе научите не знающихъ, естьли еще молва не дошла до отдаленныхъ странъ нашея и Римскія имперіи. Да повѣдается происшествіе сіе нашему потомству, яко знаменитѣйшее слѣдствіе непостоянства вещей человѣческихъ, съ малымъ добромъ великое зло смѣшивающаго.

Не говорю еще о участникахъ истинныя вѣры, о сихъ велико-

душ-

душныхъ дѣтяхъ скорби и слезъ моихъ. Ни одинъ изъ правовѣрныхъ пастырей къ нимъ не являлся. Толпою приходили они ко мнѣ въ своихъ нуждахъ, подобясь утомленнымъ жаждою прибѣгающимъ къ источнику, или съ поспѣшеніемъ приближающимся ко свѣтильнику въ темнотѣ едва блистающему.

Но что сказать о тѣхъ, кои не будучи еще правовѣрными не менѣе плѣнялись моими поученіями? Много, весьма много посторонныхъ путей, удаляющихъ насъ отъ стези спасенія и приводящихъ въ вѣчную погибѣль. Ими то повредитель міра прошелъ даже до насъ; да обезобразитъ Божества образъ, да прельститъ человѣка и разсѣетъ по лицу земли смѣшеніе умовъ такъ, какъ Богъ на ней разсѣялъ смѣшеніе языковъ.

Отсюды различные мнѣнія, или припадки философическія; отсюды безумцы, не признавающіе другаго Бога кромѣ слѣпаго случая, коему они и приписывают сотвореніе и правленіе всего; отсюды вводящіе многобожіе, и боготворящіе дѣло рукъ своихъ; отсюду отрицающіе предвидѣніе земныхъ вещей, зависящихъ, по ихъ мнѣнію, отъ движенія и вращенія свѣтилъ. Отсюды избранный иногда Божій народъ распеншій Сына изъ почтенія ко Отцу. Въ толпѣ слѣпцовъ сихъ, одни поставляютъ благочестіе свое въ храненіи нѣкоторыхъ правилъ, другіе отрицаютъ Ангеловъ, не мнятъ быти духамъ, и воскресенію. Сіи отвергаютъ пророчествы, Христа почитаютъ только въ тѣни законной; оныя, послѣдуя Симону волхву, допускаютъ мнимую вѣчную натуру, глубину и молчаніе, родившіе

Еоны

Еоны, двоицы мужескія и женскіе. Отрасли сего толка ищутъ Божество въ распорядкѣ буквъ. Къ симъ же безбожникамъ причесть должно изобрѣтателей двухъ различныхъ боговъ, добраго и злаго, изъ коихъ первой творецъ ветхаго, а второй новаго завѣта; сюды же принадлежатъ пріемлющіе три неподвижныя естества, первое духовное, другое земное, третіе среднее, того и другаго причастное; сюды же удивляющіеся Минису, восписующіе мраку начало сотворенія; сюды Монтанисты, коихъ служеніе поносно Духу Святому; Ватіяны, исполненные глупой гордости, и всѣ враги С. Троицы вообще, и трехъ Ипостасей особно. Отъ сихъ заблужденіи, яко отъ единыя гидры произошли всѣ главы злочестія. Одинъ утверждаетъ, что Духъ Святый есть тварь; другой смѣшиваетъ его съ Сыномъ. Есть и такіе, кои го-

говорятъ, что Богъ современенъ Кесарю. Иные чаютъ Христа быти только въ воображеніи; а иные, что пришедый на землю есть второй Сынъ. Нѣкоторые дерзнули доказывать, что Христосъ былъ несовершенная сущность, безъ разумѣнія человѣческаго. Кратко сказать: таковы суть причины нашего раздѣленія; и источники толикихъ толковъ. Развѣ только самые не чувствительныя затыкали уши свои отъ рѣчей моихъ. Сила винословія моего привлекала великое число; остальныя уступали способу моего изъясненія. Не видѣли въ словахъ моихъ ни ненависти, ни оскорбительныхъ выраженій. Я говорилъ только о полезномъ. Я показывалъ прискорбіе мое никого не обидя. Успѣхи и благопріятствующіе обстоятельствы не причиняли во мнѣ, такъ какъ въ другихъ, недовѣренности, ниже гордости.

дости. Ахъ; какая разность между служеніемъ Евангелія и силою великихъ? Непокрывалъ я невѣжества моего щитомъ дерзновенія и предупрежденія; ибо не таковымъ способомъ заставишь торжествовать слово Божіе. Сіе бы было подобно Чернилицѣ, изблевавшей въ море черную жидкость, дабы, посредствомъ произшедшаго отъ оной возмущенія, скорѣе можно укрыться.

Я употреблялъ краснорѣчіе постоянное, убѣдительное, приличное служителямъ Богочеловѣка, которой былъ самъ толико сострадателемъ и смиренъ серцемъ. Вотъ, отъ куды торжество мое; я не побѣждалъ развѣ съ сильною помощію божіею и тѣмъ побѣда моя была блистательнѣе.

Таково было хранимое мною правило. Я еще предположилъ себѣ другій законъ въ поученіи мо-

емъ, законъ благоразумный и нужный. Паче всего, я доказывалъ слушателямъ моимъ то, чтобы они не думали, что благочестіе состоитъ въ разномъ разглагольствіи о законѣ. Я имъ далъ возчувствовать, что о вѣрѣ не надлежитъ говорить въ театрѣ, на торжищи, ниже при столахъ, что разговоръ толико важный запрещается языку оскверненному вольными разговорами, скверными пѣснями, и непристойнымъ смѣхомъ, что разговоръ толико святый да не услышанъ будетъ ухомъ постороннимъ и невѣрныхъ, и что не должно жертвовать суетнымъ спорамъ высочайшія, но темныя истины, къ коимъ самое важное принаровленіе едва, едва довлѣетъ.

Старался имъ доказать что они должны вопервыхъ исполнить правилы, призирать нищихъ, быть гостепріимными, ходить за бо-

болящими, прилѣжно пѣти псалмы, молиться, стенать, плакать, поститься, укрощать чувствы, побѣждать гнѣвъ, веселіе, управлять разговорами своими, покорять плоть господству разума.

Много стезей ко спасенію, всѣ провождаютъ къ наслажденію Богомъ. Ходите ими, и не довольствуйтесь единымъ познаніемъ. Увы! едина бы вѣра довлѣла, естьлибъ при ней овладали мы всѣми тѣми свойствами, кои имѣть должно. Вѣрою спасаетъ Богъ большую часть людей. Естьлибъ вѣра была только ради Философовъ, ради однихъ ученыхъ, то бы ничего столь не было для насъ не достаточнѣе какъ Бога. Но ежели вы любите многоглаголаніе, естьли вы исполненны усердіемъ, и естьли вамъ жестоко молчаніе; такъ говорите; сію слабость я вамъ прощаю. Но съ не великою довѣ-

ренностію на самихъ себя, и по временамъ а не безпрестанно, ниже о всякомъ дѣлѣ, ни при всякихъ людяхъ и не вездѣ. Но знайте время, обстоятельствы, нужду, мѣсто. Всякой вещи есть время; всякая вещь имѣетъ свой способъ, говоритъ мудрый; Мизія и Фригія суть страны различны. Слова мои разнятся отъ словъ непросвѣщенныхъ. Оные суть дѣло тщеславія и превозношенія. Они сложены, кажется, для дѣтей, предъ которыми говорится въ басняхъ и изображеніяхъ. Въ такомъ случаѣ нѣтъ большой нужды достигнешь ли цѣли своей или нѣтъ. Можно ли постигнуть тѣнь, ежели за нею погонишся?

Намъ же, коихъ единый предмѣтъ есть истина, успѣхъ въ наставленіи долженъ быть вѣренъ. Путь, по коему, мы идемъ, лежитъ между двухъ пропастей.

Естьли падешь, то повержешься вЪ бездну адскую. Не возможно взять довольныхЪ осторожностей вЪ словахЪ кЪ наученію опредѣленныхЪ. Надобно имѣть одно намѣреніе и ритору слово произносящему, и слушателю оное внемлющему. Иногда справедливый страхЪ долженЪ намЪ препятствовать говорить, равно и слушать. Должно больше бояться языка нежели уха; но безопаснѣе удалиться, нежели слушать. НадлежитЪ ли заражать умЪ ужѐ болящій или самому искать бѣснующагося псэ! мы же, наученные сему святыми книгами, коимЪ посвятили мы ученіе наше, и предводящіе единымЪ правиломЪ согражданЪ и иностранцовЪ, воздѣловали плодоносныя поля, хотя не пожали всю жатву. Здѣсь земля едва очищена отЪ тернія подавляющаго, индѣ только сравнялЪ ее. ТамЪ не давно только насѣяна. Индѣ

только что сѣмя прозябать начало: въ иныхъ мѣстахъ оно восходитъ въ стебель. Въ сихъ браздахъ класы укрѣпляются и желтѣютъ. Въ оныхъ бѣлизна ихъ ожидаетъ ужѐ серпа. Здѣсь видны снопы на гумнѣ молотимые, тамъ зерны ужѐ собранные въ житницу, здѣсь отъ плевъ очищаются, индѣ готовыми сохраняются. Наконецъ ужѐ въ хлѣбъ обращаются, яко въ послѣдній и главный предмѣтъ земледѣлія, въ хлѣбъ не питающій отнюдъ земледѣльца, въ хлѣбъ трудами его произведенный, но насыщающій лѣниваго, никогда потомъ своимъ поля и жатвы не оросившаго.

Хотѣлъ симъ прекратить разговоръ мой дабы не прибавить ничего недостойнаго. Нынѣшнее состояніе дѣлъ того не позволяетъ. Нѣкоторые въ пользу нашу обратились. А о другихъ, что сказать?

зать? не вѣдаю. Не знаю, и того какому обстоятельству приписать успѣхъ оныхъ, и кого восхвалить.

Въ такомъ-то былъ я положеніи, внезапу возвратившуся Императору отъ побѣды надъ варварами. Восторжествовалъ онъ надъ многочисліемъ и надъ дерзостію. Государь не худо мыслилъ о вѣрѣ. Нерушимымъ узломъ привязанъ будучи къ служенію Троицы, первоначальному сему догмату, правовѣрнымъ толико любезному, хорошо бы онъ правилъ умами послушными и нековарными; но не имѣлъ онъ усерднаго разума, дабы поставить настоящее въ образѣ первомъ, и излѣчить пристойнымъ тому времяни врачествомъ раны, нанесенныя тогдашними обстоятельствами.

Ежели же и довольно у него было усердія, но недовольно довѣрен-

вѣренности и крѣпости. Но вы знаете болѣе меня: можетъ быть тому была причиною его осторожность. Не силою, но благоразуміемъ дѣйствовать должно, хотя бы то было въ честь нашего служенія или въ пользу приводимыхъ ко Христу. Скоро перестаютъ то дѣлать, что дѣлали отъ страху. Лукъ напряженный сильною рукою, вода удержанная въ узкихъ водометахъ, первой ослабѣваетъ, а вторая уходитъ и беретъ паки свое теченіе. Творимое же доброю волею, утверждается и продолжается; къ сему привязываемся мы ненарушимымъ узломъ пріятнаго привлеченія. И такъ я думаю что сей Государь желая устрашать предпочелъ средствы удостовѣряющаго милосердія средствамъ своея власти. Удовольствіе его насъ видѣть содѣлало радость нашу живѣйшею. Повѣдать ли милостивой его пріемъ, коимъ онъ

онъ меня благоволилъ удостоить; сказывать ли какъ онъ почтилъ меня своими разговорами и выслушаніемъ. Ахъ! стыдно бы мнѣ было естьлибъ въ моихъ лѣтахъ и въ моемъ состояній славился я тщетными сими почестьми; мнѣ ли тѣмъ превозноситься, мнѣ ли, долженствующему искать славы и чести въ единомъ только Богѣ?

Ето еще не все: да дастъ тебѣ Богъ, говорилъ онъ мнѣ, рукою моею храмъ сей, яко награду должную трудамъ твоимъ. Невѣроятное изреченіе, но событіемъ утвержденное. Аріяне толь усилились, и толь утвердились въ столичномъ градѣ всея Имперій, что казалось, ни мало не отступятъ они отъ своего требованія, чтобъ изъ того ни послѣдовало; они всегда ласкали себя успѣхомъ въ своемъ предпріятій. Послѣднее ихъ убѣжище въ паденій своемъ бы-

было устремленіе на меня, ибо надѣялись они, безъ всякаго труда, освободиться отъ слабаго и безпомощнаго старца. Разговоръ Императоровъ со мною объялъ меня страхомъ и радостію; о спасителю мой! возопилъ я, Ты призываешъ къ страданію тѣхъ, за коихъ пострадалъ Ты; Ты прежде сего награждалъ труды мои, благоволи и нынѣ быти утѣшителемъ моимъ въ горести моей.

Часъ приближился. Великая толпа вооруженныхъ воиновъ окружаетъ церковь. Безчисленный народъ, гнѣвомъ кипящій сопротивляется усилію ихъ. Воззывая ко Императору, на меня пылаютъ гнѣвомъ: всѣ улицы, мѣста, домы людей исполнились. Въ окнахъ видимы были мужи, жены, дѣти, старики. Не слышно было кромѣ вопля, воздыханія и стенанія. У всѣхъ на лицахъ изображена была лю-

лютѣйшая горесть. *Ужасный образъ* приступомъ взятаго города! я же едва дышущій, и обремененный болѣзнію, едино дыханіе жизни имѣя, шелъ яко гордый и смѣлый полководецъ между Императора и воинствомъ. Взиралъ на небо, и чувствовалъ себя одушевляема ласкательнѣйшею надеждою, и почти не примѣтнымъ мнѣ образомъ узрѣлъ себя во храмѣ.

Не должно мнѣ здѣсь пропустить чудное тогда случившееся дѣло, дѣло достойное примѣчанія благочестивыхъ людей, ощущающихъ провидѣніе повсюду, а особливо въ великихъ произшествіяхъ. Не могу я рѣшиться отвергнуть ихъ свидѣтельства, хотя я весьма великой врагъ, и больше нежели кто другой, чрезвычайнаго и чудеснаго. Ибо меньше не удобности всему вѣрить нежели не вѣрить ничему: тамъ слабость, а

здѣсь упорство. Какое же то удивительное дѣло? Не бойся муза моя, возвѣстить оное, пронеси воспоминаніе объ ономъ позднѣйшему потомству.

День былъ ясной. Вдругъ густый облакъ затмѣваетъ солнце, и весь Константинополь покрывается мракомъ. Темнота сія не соотвѣтствовала происходящему. Народныя собранія ничего столько не требуютъ какъ яснаго и чистаго дня. Враги наши возрадовались; думали они, что и небо противу насъ вооружится, признаюсь, я и самъ въ серце моемъ смущенъ сталъ. Но едва вошли мы съ Императоромъ во святилище, едва начали пѣснь воздѣвая руки на небо, облакъ, совсѣхъ сторонъ разверзается, изчезаетъ. Се освѣщаются ясными солнца лучами потемненные доселѣ церковные своды: и велико-

лѣп-

лѣпный храмъ сей представилъ въ мысляхъ нашихъ ковчегъ завѣта, исполнь славы Господни, и сіяніемъ облеченный. Видѣніе сіе утишило серца, и освѣтило всѣхъ умъ. Ободренные чудомъ симъ изъяснили обѣты свои всеобщимъ восклицаніемъ, все требуютъ меня быть ихъ Епископомъ, какъ будто сего только не доставало къ благополучію ихъ, присовокупляя къ тому, что Государь ничего пріятнѣйшаго для нихъ содѣлать не можетъ, и что нѣтъ ни одного изъ сограждан, которой бы, видя возведеннаго меня на престолъ Патріаршій, не воображалъ, что и самъ онъ достигъ Верховныя чести. Желаніе сіе было обще Вельможамъ и народу; того желали и жены, проницательнымъ вопя голосомъ. Стонъ сей подобился громовымъ ударамъ, отъ зыка повтореннымъ.

Тогда просилъ я одного изъ моихъ собратіи, ибо не было уже у меня ни голосу, ни силы, чтобъ всталъ; и я говорилъ устами ево тако: успокойтесь, воздержите вопль вашъ. Въ сію минуту воздавать должно благодареніе Богу. Отложимъ до инаго времяни упражняющіе насъ важныя дѣла. Народъ съ восторгомъ, одобрилъ слова мои. Умѣренность всегда нравится. Императоръ удалился осыпавъ меня похвалою. Раздѣлилось собраніе. Въ ужасномъ семъ замѣшательствѣ одинъ только мечь обнажился, и въ ту же минуту вложенъ въ свое влагалище. Не требовалось больше къ остановленію народнаго стремленія.

Окончить ли мнѣ повѣствованіе сіе? Оно содержитъ въ себѣ весьма для меня лестное. Какое дружеское перо восхотѣло бы оное кон-

кончить? Стыжусь собственныя похвалы моей, хотя бы произнесена была она посторонними устами. Таковъ нравъ мой. Но поступимъ далѣе. Новыя употреблю силы дабы содѣлаться еще умѣреннѣе.

Я былъ во храмѣ. Какъ скоро увидѣли, что я принялъ его во свою власть, то начальная злоба потаенныя хитрости укротилась, но изпустивъ воздыханія изъ мрачной глубины своей.

Злоба сія подобилась изувѣру, сверженному громомъ въ низъ горы Етны, отрыгающей изъ глубины бездны пламень смѣшанный съ густымъ дымомъ. Что должно было дѣлать мнѣ въ такомъ случаѣ, скажите ради Бога, научите меня о вы строптивые люди, разсуждающіе яко дѣти, смиреніе называете вы слабостію, гнѣвъ непреклон-

ный почитаете достохвальною крѣпостію. Надлежало ли изгнать и отринуть виновныхъ, гнать ихъ огнемъ и мечемъ, пользоваться обстоятельствомъ, во зло употребить благосклонность и власть, однимъ словомъ предпочесть смертоносный ядъ спасительнымъ средствамъ? Мы находили сугубую выгоду въ смиренномъ поступкѣ, первое то чтобы противниковъ нашихъ содѣлать умѣреннѣе, показывая имъ съ нашей стороны всякое смиреномудріе, второе привлечь благосклонность народную и снискать славу.

Поведеніе сіе показалось мнѣ самое справедливое, и я всегда ево держался, а тогда еще больше долженъ я былъ сохранять оное. Во первыхъ чрезъ то хотѣлъ показать, что побѣду сію приписывалъ я больше могуществу Божію нежели удачнымъ обстоятельствамъ.

вамъ. Водимъ будучи внутреннимъ совѣтомъ, имѣлъ ли я нужду въ наружномъ? Ктобы далъ мнѣ полезнѣйшій? сотоварищи мои ласкали подлымъ образомъ вельможъ, а особливо женоподобныхъ и робкихъ Царедворцовъ, ради корысти единыя дѣйствующихъ. Сколько хитрости употребляли они, чтобы вползти во дворецъ. Переднія всѣ исполненны были сими лжесвидѣтелями, сплетателями, лицемѣрами, притворяющимися благочестивыми на словахъ, и безстыдно на дѣлѣ противное являющими. И такъ я думалъ, что лучше жить въ уединеніи и заставить другихъ жалѣть о себѣ, нежели быть цѣлію ненависти. Я рѣдко казался, чтобы тѣмъ почтеннѣе содѣлаться. Стараясь угодить Богу, оставилъ я другимъ оступать двери вельможъ.

Многихъ я видѣлъ такихъ, кои, не могши скрыть учиненныя

мнѣ обиды, страшились моего мщенія, и такихъ, кои пользуясь моими благодѣяніями ожидали большихъ. Я успокоилъ первыхъ, другимъ служилъ столько сколько было силъ моихъ. Многое тогда со мною случилоеь; одно скажу для примѣра.

Остался я дома по причинѣ безпокойства и труда дневнаго. Завистники распустили слухъ что я притворствую. Нѣкоторые изъ народа вошли вдругъ въ келью мою. Въ сей кучѣ былъ одинъ молодой человѣкъ блѣдный, съ долгими волосами; одежда его показывала печаль чрезвычайную. Испужавшись, смотря на произшествіе сіе, зачалъ я вставать съ постели. Они же, воздавъ благодареніе Богу и Императору, давшимъ толь счастливой день, и почтивъ меня похвалами, вышли. Молодой человѣкъ вдругъ, и какъ

бы въ ужасѣ бросился къ ногамъ моимъ не говоря ни слова. Вопрошаю его кто онъ, откуды, и за чемъ; но вмѣсто отвѣта, онъ стоналъ, вопилъ, воздыхалъ и ломалъ руки. Зрѣлище сіе исторгнуло слезы изъ глазъ моихъ. Но не могши привести его къ разсудку, насильно его отъ меня вытащили; онъ убійца, сказалъ мнѣ одинъ изъ находящихся, и умертвилъ бы тебя, естьлибъ Богъ не былъ твоимъ защитникомъ. Слѣпый убійца, совѣсть твоя мучитель твой. Теперь льешъ слезы за кровь, кою пролить былъ намѣренъ. Слова сіи меня привели въ жалость, и я увѣрилъ злощастнаго сего сими словами: да сохранитъ тебя Богъ такъ, какъ меня сохранилъ, не много требовалъ я быть человѣколюбивымъ съ тобою. Грѣхъ твой предаетъ тебя въ мои руки; старайся сдѣлаться достойнымъ Божія и моего прощенія.

Сіе дѣло милосердія не могло остаться тайнымъ. Оно умягчило сердца всѣхъ жителей цареградскихъ. Тако желѣзо умягчается огнемъ.

Между тѣмъ имѣніе церковное, обогащенное щедротою знатнѣйшихъ и богатыхъ людей всего свѣта, было въ ужасномъ безпорядкѣ. Не было въ писменныхъ дѣлахъ предшественниковъ моихъ ни какой описи доходамъ, сосудамъ, драгоцѣнной утвари: ниже въ описаніяхъ, сочиненныхъ свѣтскими повѣренными людьми. Я не дѣлалъ никакихъ тому разысканій. Нѣкоторые совѣтывали мнѣ, даже что уговаривали ввѣрить вещи всѣ попеченію мирянина, но я думалъ осквернить ихъ чрезъ то яко посвященные Богу. Что нужды знать въ чемъ состоитъ имѣніе и доходы. Я не велѣлъ давать отчету въ томъ, что должно было

ло получить, но только въ томъ что получено. Богатолюбцы не похвалятъ сего опредѣленія; но понравится оно презирающимъ богатство. Ненасытная жажда къ сребролюбію есть постыдный порокъ. Естьлибъ всѣ такъ думали, то меньше было бы зла и убивства. Мое намѣреніе не то чтобъ подробно говорить здѣсь о сей матеріи. Единственно о тѣхъ только говорю, коихъ святое служеніе приближаетъ къ жертвеннику и Богу.

Враги наши всенародно говорили, что людей столь мало что не кому наполнять и предхраміе. Правда, народъ былъ весьма раздѣленъ. Истина была тогда слаба, оставлена, пренебрежена. Но все видъ перемѣнило. Подъ начальствомъ нашимъ храмы Господни были исполненны множествомъ многимъ правовѣрныхъ. Дѣло Божіе привлекало все мое попеченіе. Не говорю уже

о бѣдныхъ, о монахахъ, о дѣвицахъ посвященныхъ Богу, иностранныхъ, о гражданѣхъ, объ учрежденныхъ мною надъ темницами, надъ поющими псалмы, надъ бдящими о множествѣ женъ и мужей, предавшимъ себя святымъ упражненіямъ, однимъ словомъ о богопріятномъ служеній слова.

Зависть явно и тайно все заражающая не могла удержать себя. Возвышеніе мое снабдило ее первыми средствами ко вреду моему. Всѣ восточныя Епископы, выключая Египетскихъ, всѣ священики твердыя земли и островов, отъ самыхъ дальныхъ странъ до новаго Рима, вдохновенны не вѣдомымъ побужденіемъ стеклися на утвержденіе престола истинны.

Между ими былъ человѣкъ простый, чистосердечный: взоры его являли миръ, кроткій и смѣлый, не-

носившій на лицѣ своемъ умныя плоды души своей. Кто не познаетъ въ образѣ семъ знаменитаго пастыря Антіохійскаго, коего имя означало нравъ, и нравъ означалъ имя? (в) Онъ многія презрѣлъ гоненія за утвержденіе Божества С. Духа хотя онъ сперва и видѣлъ ущербъ славы своей отъ руки невѣрной.

Сей соборъ духовныхъ особъ утвердилъ меня въ каѳедрѣ Епископской, не внемля ни воплю, ни стенанію моему. Но нѣчто сражалось во мнѣ съ моимъ упрямствомъ. Дерзаю призывать въ томъ свидѣтелемъ Бога; я ласкалъ себя, ибо думаешь тому сбыться, чего очень желаешь; все кажется удобно высокому и живому духу; и я смѣю сказать, что въ великихъ дѣлахъ я столь же увѣренъ какъ и другой; я ласкалъ, го-

(в) С. Мелетія.

говорю себѣ, что принявшему на себя великое сіе достоинство, почтеніе и уваженіе людское къ высокому сану пособитъ соединить обѣ противныя стороны. Я сравнивалъ себя съ начальникомъ, находящимся посредѣ двухъ сердецъ пріемлющимъ и то и другое своею рукою, сближающимъ, соединяющимъ и творящимъ изъ обоихъ единое. Плачевное и слезное раздѣленіе! достойное большихъ слезъ нежели самые несчастныя приключенія прошедшихъ и нынѣшнихъ вѣковъ пролить принудили, неизключая и разсѣяніе Израильское, причиненное богоубійственнымъ народомъ.

Сіи Епископы, сіи пастыри стада Христова, раздаятели небесныхъ даровъ Духа Святаго, долженствующіе съ высоты престола ихъ распространять Слово спасенія; сіи Ангелы мирные испол-

полняли церковь раздоромъ и ненавистію. Воспаленные, озлобленные другъ другомъ; обвиняющіе и обвиняемы, ищущіе по всюду друзей и участниковъ, грабители степеней, ихъ товарищамъ принадлежащихъ, раздирали цѣлый міръ, какъ я уже сказалъ, своимъ несогласіемъ, и неизреченнымъ разграбленіемъ. Востокъ отъ запада раздѣляется болѣе враждою нежели различіемъ мѣстъ и климатовъ. Естьли концы ихъ удаляются другъ отъ друга, то есть у нихъ покрайнѣй мѣрѣ общія границы, ихъ между собою сближающіе. Но Епископы ихъ прервали всякой союзъ, ихъ совокуплявшій, даже и благочестія узелъ. Зависть, сія слѣпая и обманчивая страсть, источникъ ихъ совмѣстничества породила въ нихъ сіи соблазнительныя разглагольствія.

Я самъ надъ собою ощущалъ тяготѣющее зло сіе. По истиннѣ

нѣ мною похваленный Епископъ, сей пастырь Антіохійскія церкви въ то время скончался, отягченный лѣтами, временемъ измѣряемыми, и изчезающими въ вѣчности. Онъ до послѣдняго издыханія повторялъ все прежде того друзьями его слышанное, служащее къ примиренію умовъ, и достиженію мира. Блаженная его душа возхищена въ жилище Ангеловъ; многочисленной стекся народъ на провожаніе его тѣла за Константинополь, которое отнесено въ пасомую ево церковь, украшаемую и до нынѣ сею драгоцѣнностію.

Зачали разсуждать вскорѣ ѡ такихъ вещахъ о коихъ и предлагать бы не надлежало. Злые, и къ раздору склонные люди хотѣли видѣть послѣдователя Мелетію, не того, которой смертію ево имѣлъ на то право. Съ обоихъ сторонъ предложили; одни желали

лали тишины, другіе старались о нарушеніи мира. Чтожъ до меня принадлежало я смѣло сказалъ то что мнѣ казалось полезно и спасительно:

Друзья мои, возопилъ я, вы не постигаете цѣли вашей. Удаляетесь отъ оной излишними разговорами, отвращающими васъ отъ настоящаго дѣла. Вы начинаете раздоръ и хотите чтобъ и я вашимъ же въ томъ былъ участникомъ. Но мои намѣренія пространнѣе: возрите на пространный шаръ земный, орошенный драгоцѣннѣйшею кровію, кровію Бога, вдавшагося смерти нашего ради искупленія, и умножившаго жертву сію безчисленными другими низшими жертвами. Представимъ себѣ двухъ Ангеловъ прящихся на шарѣ семъ; но, съ сожалѣніемъ сказать я долженъ, что несогласіе между вами питающіе

не

не суть Ангели; и такъ не справедливо бы было, чтобъ цѣлый міръ замѣшанъ былъ въ ихъ распрѣ. Чѣмъ естество ихъ блистательнѣе, тѣмъ далѣе они отъ несчастныхъ сихъ раздѣленій, кои бы ихъ обезчестили, и коего они непричастны.

При жизни своей Мелетій добронравіемъ своимъ примирилъ имѣвшуюся на него вражду западныхъ Епископовъ.

Теперь когда уже буря утихла, и милостію Божіею тишина церкви Антіохійской возвратилась; знайте теперь мысли мои, пріимите совѣты старцовы. Старость подаетъ осторожность, неизвѣстную юношеству. Молодые люди не охотно слѣдуютъ нашему совѣту; тщеславіе претитъ имъ быть послушными. И такъ да брежетъ Павлиній престолъ свой.

свой. Велико ли то зло, что печаль наша нѣсколько продлится какъ и прежде. Онъ ужѐ старъ, скоро скончаетъ смерть теченіе его. Онъ желаетъ смерти необходимыя для каждаго человѣка, могущія пренести его въ лучшую жизнь по возвращеніи Творцу его души отъ Него полученныя. Тогда согласіемъ всего народа и мудрыхъ Епископовъ поставимъ мы, вдохновеніемъ Святаго Духа, достойнаго Пастыря сей церкви. Сіе есть единое средство къ прекращенію раскола.

Время ужѐ кончиться волненію сему; поболимъ о раздѣленіяхъ доселѣ бывшихъ, нынѣ сущихъ, и впредь будущихъ. На что намъ знать до куды распространяться можетъ дозволяемый расколъ. Мы теперь въ сомнительныхъ обстоятельствахъ находимся, гдѣ идетъ дѣло о сохраненіи въ цѣ-

лости нашихъ достопочтеннѣйшихъ и святѣйшихъ догматовъ, или о совершенномъ оныхъ изтребленіи въ междуусобной распрѣ сей. Ежели живописцу приписывать будутъ пороки его красокъ, хотя и безъ причины можетъ то быть, и естьли учителю попрекать станутъ развратными нравами ученика его, то не будетъ ли довольно причинъ, требовать отчета у Христіянъ, а паче у священниковъ, въ злословіяхъ закону учиненныхъ? Останемся на минуту побѣжденными, дабы послѣ мы восторжествовать могли совершенно. Сохранимъ себя Богу, и спасемъ цѣлый міръ вѣру погубляющій. Не всегда побѣдѣ слѣдуетъ слава: лучше погубить съ честію имѣніе свое, нежели сохранить его посгыднымъ средствомъ. Вотъ Философія, Богомъ намъ данная; вотъ любомудріе, проповѣданное мною всенародно, и съ увѣреніемъ, не

взирая на предстоявшіе мнѣ опасности, не взирая на зависть людей злобныхъ.

Вотъ что надлежало сказать мнѣ. Сказалъ въ простотѣ сердца моего; въ словѣ моемъ держался я справедливости, и взиралъ на общую только пользу. Что до меня принадлежитъ, не требую я иныя милости кромѣ свободнаго оставленія моего престола, и безбѣднаго и безславнаго провожденія остатка дней моихъ. Не трудно мнѣ будетъ жить между людьми отвергающими совѣты мои, и съ коими не могу я быти по совѣсти одного мнѣнія. Да приближатся немедленно знающіе престолъ Антіохійскій, наслѣдовать послѣ добрыхъ и худыхъ Епископовъ. Вамъ разсуждать осталось, а я ужè сказалъ мое мнѣніе.

Внезапу восталъ шумный гласъ различныхъ предложеній, подобный

пронзающему воплю многихъ птицъ, шуму вѣтровъ, бури. Дерзскіе юноши достойные правленія людей завистливыхъ, были совѣтниками народа. Старцы уклонились, не стараясь возвесть юношество паки къ благоразумію. Примѣтить должно, какіе наводили причины. „Пристойно, чтобъ „истинна была на сторонѣ во„сточной, вопили они, ибо „Іисусъ Христосъ благоволилъ „родитися на востокѣ„. Слабая причина! не искупленія ли ради всѣхъ людей воплотился Христосъ, какъ на западѣ такъ и на востокѣ живущихъ; сей восточной гордости противоположить можно и то, что Христосъ рожденный на востокѣ, на востокѣ же и распятъ, и распятіе сіе послужило къ воскресенію и спасенію. Не лучше ли бы было, естьлибъ гордые сіи люди послѣдовали совѣтамъ мудрѣйшихъ и искуснѣйшихъ.

Изъ

Изъ сего можно заключать о ихъ предубѣжденіи и упрямствѣ въ прочихъ дѣлахъ. Въ примѣръ приведу чистый источникъ древнія нашея вѣры, соединенныя съ нераздѣльнымъ существомъ Святыя Троицы, утвердившей, кажется, престолъ свой въ Никеѣ. Зрѣлъ я источникъ сей, возмущенный тайными водами изтекающими отъ колеблющихся человѣковъ, кои придержатся всегда единаго исповѣданія съ государемъ своимъ; кои показываются держащимися средины, но во внутренности своей суть противнаго мнѣнія; придворные Епископы выучивающіе первые основанія вѣры, во время своего посвященія; вчера ученики, нынѣ же учители, посвѣщая другихъ дабы самимъ посвященными быти, на истое сіе званные, да подадутъ собою примѣръ народу, и пребываютъ безъ стыда въ порокахъ, и не оплакиваютъ

своихъ грѣхопаденій. О верхъ безстыдства, и нечувствія! вотъ каково поведеніе ихъ! они говорятъ что все должно уступать обстоятельствамъ; что должно почитать все игрою, что часто такимъ образомъ получишь то, чего ни закакія деньги достать иногда не можешь. Въ самомъ дѣлѣ весьма были мы снисходительны. Мы поставили привратника при входѣ во святилище, и всѣмъ провозгласили: всякому войти сюды вольно, хотя бы онъ два раза перемѣнилъ вѣру. Нынѣ день купли; да невозвратится никто тщай. Естьли же игра тебѣ противна, ибо ничто неизвѣстнѣе игры быть не можетъ, награди твоимъ искуствомъ, иди въ другое мѣсто. Не одинъ путь. Но какіе же произойдутъ отъ всего сего слѣдствія? Родится колоссъ, составленный изъ многихъ матерій, явившейся во снѣ, изъ злата, сребра, мѣди,

же-

желѣза, основаніемъ своимъ глину имѣвшій; боюсь, чтобъ все сіе не разрушилъ единый камень. Нынѣ Моавиты, и Аммонитяне входить могутъ во храмъ, въ которой прежде вступать имъ запрещалось. Но не хвалилъ ли ты самъ того, что тогда дѣлалось. Кто предсѣдалъ въ сихъ собраніяхъ? Ахъ- и то мнѣ не неизвѣстно. Съ прискорбіемъ воспоминаю о вещахъ стыдъ мнѣ приносящихъ. Всякой хотѣлъ имѣть верховную власть, и никто не имѣлъ оныя. Тамъ царствуетъ Анархія, гдѣ многіе господствуютъ.

По щастію я принужденъ былъ по болѣзни моей остаться дома. Въ семъ состояніи ничего непредставлялось глазамъ моимъ кромѣ близкаго конца теченія моего, всѣ мои злоключенія прервать имѣющаго. Пусть все утверженное на сихъ собраніяхъ

имѣетъ силу законовъ. Нѣкоторые хотя и были въ оныхъ, но по неволѣ, и принужденію. Невѣжество служило имъ извиненіемъ. Ихъ обманули ложными предложеніями догматовъ. Великолѣныя похвалы вѣрѣ, заблужденіемъ приносимые ихъ прельстили. Мнѣніе мучителей разнствовало съ словами ихъ. Но я тогда допущу въ церковь мою растлѣнныя сіи души, когда благовонную мастику смѣшивать будутъ съ зловоніемъ. Зло скорѣе сообщается нежели благо. Одни другимъ приписывали новыя мнѣнія, иные попрекали тѣхъ робкою осторожностію. Тако Патріархъ Авраамъ и Лотъ братъ его, пошли разными путями дабы не помѣшать другъ другу ни въ пути ни въ жилище. Воспомяну ли я слова друзей моихъ произнесенные соблазна ради маститой моей старости. Они представляли мнѣ отличныя чествованія, и тре-

требовали за то слабѣйшаго признанія. Несчастный Григорій! какіе у тебя друзья, какіе прошенія! увы, чего не дерзали предлагать мнѣ? Соединиться съ ними сирѣчь участвовать злу ими творимому. Но кто могъ повѣрить, что я множеству пожертвую Богомъ и единороднымъ его Сыномъ? Рѣки потекутъ къ вершинамъ своимъ, пламень не воздымется, но пойдетъ долу, прежде, нежели самовольно подвергну опасности спасеніе мое. И такъ началъ я удаляться собранія; перемѣнилъ мѣсто жилища моего. Удалился бурнаго моря, сихъ мѣстъ совѣщанія, состоявшаго въ одномъ только шумѣ, распрѣ, и заговорѣ. Между тѣмъ нѣкоторые любящіе меня, а особливо въ народѣ, приходили ко мнѣ со стономъ и воздыханіемъ. Казалось они ужѐ меня какъ мертваго оплакивали! О! сердолюбіе! О слезы! Какая бы

душа не тронулась вами? Не ужѐ ли ты насъ оставишь, вопили они ко мнѣ? Мы твоя жатва, жатва прежде сего малая, и нынѣ толико изобильная. Къ кому прибѣгнутъ сіи многочисленные обращенные въ вѣру, теперь при вратахъ церковныхъ находящіеся, и достойные входа; къ кому прибѣгнутъ и многіе другіе ужѐ входа удостоившіеся, и старающіеся о привлеченіи еще постороннихъ? Кому препоручишь попеченіе о душахъ сихъ? Кто упасетъ младое стадо сіе? Ахъ, простри руку твою къ достопочтеннымъ трудамъ на тебя возложеннымъ. Отдай намъ, отдай Богу остатокъ дней твоихъ. Да будетъ храмъ сей, въ немъ же ты предсѣдишь, гробомъ твоимъ. Раздиралось сердце мое, но осталось непреклоннымъ.

Самъ Господь избавилъ меня отъ искушенія. Египетскіе и Македон-

кедонскіе Епископы, о коихъ думали что возставятъ миръ и тишину, очень скоро прибыли. Сіи строгіе служители священныхъ законовъ и таинствъ приносили съ собою всѣ предъубѣжденія вечернія. Восточное священство вооружалось противу ихъ подобною гордостію. Тако дикіе Вепри, естьли дозволяется сіе сравненіе, изостряя зубы свои и вращая пламенныя глаза свои готовятся къ сраженію. О многомъ говорили, и въ спорѣ своемъ не наблюдали они правилъ умѣренности. Сдѣлали мнѣ противуположеніе изъ древнихъ законовъ, кои, не будучи ужѣ въ силѣ, не могли быть мною приняты. Не любовь ихъ ко мнѣ была причиною ихъ поступка, ниже желаніе возвесть другова на мое мѣсто, но единственно ненависть ихъ къ возведшимъ меня на оное. Сами они мнѣ о томъ тайно сказывали, прибавляя къ тому

му

му что гордость была для нихъ несносна, кою они и прежде и нынѣ ощущаютъ.

Между тѣмъ ни прискорбіе душевное, ни болѣзнь тѣлесная не перемѣняли мыслей моихъ. Подобясь быстрому и заключенному коню ногою землю біющему, коего ржаніе жаждетъ вольности, не могъ скрывать я мое нетерпѣніе. Взоры мои, жалоба, слова, все возвѣщало желаніе мое прервать узы моя и паки уединиться. Всѣхъ сердецъ примѣченная мною къ тому наклонность подала мнѣ удобный случай, коимъ я немедленно и воспользовался. Честолюбцы, люди жаждущіе чести и достоинства мнѣ не повѣрятъ. Но совсѣмъ тѣмъ сіе есть истинно. Съ веселіемъ прервалъ я узы мои; обстоятельство къ тому способствовало. И такъ я вшедшій въ собраніе говорилъ слѣдующее:

Богомъ

Богомъ собранные здѣсь Епископы къ возвѣщенію угодныхъ ему заключеній! по узаконеніи о важнѣйшихъ дѣлахъ, примите въ разсужденіе ваше и до меня касающееся. Рѣшеніе жребія моего посредственной есть важности для собранныхъ нынѣ Епископовъ. Возвысите мысли ваши. Согласитесь наконецъ, согласитесь, ужѐ время. Доколѣ раздѣленіемъ вашимъ будете вы посмѣяніемъ всему народу? Скажутъ что вся ваша наука состоитъ только въ преніи. Обѣимите другъ друга и чистосердечно примиритесь. Я буду Іоною, я даю себя за спасеніе корабля, хотя не я воздвигнулъ бурю, ввержите меня въ море. Я найду въ немъ прибѣжище во чревѣ Китовѣ. Да будетъ сіе началомъ соединенія вашего. Потомъ вы и о другомъ помыслите. Да будетъ сія кладезямъ Ісааковымъ

вымъ (*). Слава моя, естьли вы пребудете въ согласіи; но безчестіе, ежели вы только согласны противу одного меня. Законъ мною вамъ одобряемый состоитъ въ томъ чтобъ вы поборствовали законамъ. Естьли вы оживотворитесь духомъ симъ, ничто противиться вамъ не можетъ. Я по принужденію возведенъ былъ на престолъ сей, оставляю же его по собственному моему желанію. Слабость тѣла моего, не говоря о другомъ, долженствовала бы подать мнѣ къ тому совѣты. Еди-

(*) Въ текстѣ: да будетъ мѣсто сіе мѣстомъ пространства; въ воспоминаніе послѣдняго кладязя, ископаннаго Ісаакомъ въ Палестинѣ, и проименованнаго имъ пространство, широта; понеже тамо прекратилъ онъ споры возставшіе между его и Гераровыми пастырями; тѣмъ и другимъ не достаточны были первые кладязи прежде Ісаакомъ же ископанные.

Единождьі долженъ я только заплатить дань смерти; Богъ назначилъ часъ оной.

„ О! Троица Святая о служе-
„ ній твоемъ я только пекуся.
„ Какія уста довлѣютъ , какое
„ ученіе , витійство , и усердіе
„ дерзнетъ по тебѣ поборство-
„ вать? Простите , сотоварищи
„ мои; помните покрайнѣй мѣрѣ
„ о трудахъ моихъ „.

Въ семъ состояло слово мое. На всѣхъ лицахъ изобразилось замѣшательство. Я вышелъ изъ собранія съ удовольствіемъ печалію растворенньімъ. Мысль о спокойствіи, коимъ я шелъ наслаждаться по толикихъ трудахъ, исполняло меня пріятньімъ удовольствіемъ. Но жребій народа моего меня безпокоилъ. Гдѣ тотъ отецъ, которой безъ сожалѣнія разстается съ дѣтьми своими? Таково было

ло состоянie мое! Богъ знаешъ, и сiи Епископы вѣдаютъ чистосердечны ли были слова и не подобились ли оные сокрытымъ въ море камнямъ, кораблямъ гибелью угрожающимъ. Многie нестрашась о томъ сказывали, но я премолчу. Не буду терять времяни узрѣть неиспытанную глубину сердецъ ихъ; мое всегда было просто. Съ чистымъ сердцемъ спасенie получить можно; вотъ все старанie мое.

Но извѣстно мнѣ то, чего бы я знать, можетъ быть, не хотѣлъ, то есть что на мое увольненie всѣ скоро согласились. Вотъ какъ отечество награждаетъ любимыхъ своихъ согражданъ.

Но каково же поведенie мое было съ Государемъ? Видѣлъ ли кто меня милости его просяща, падша къ ногамъ его, цѣлующа его

его руку? Употребляюща въ пользу довѣренность друзей моихъ, и защищеніе Царедворцовъ, коимъ былъ я толико любезенъ; употребляюща сильную злата помощь, для укрѣпленія своего на блистательномъ мѣстѣ? Сіе дѣло людей легковѣрныхъ и непостоянныхъ.

Ту же минуту пошелъ я къ Императору, и въ присутствіи многихъ его окружающихъ говорилъ ему тако: „И я прихожу, Государь, просить у тебя милости. „И я ожидаю оной отъ владѣтеля, коего щедрота равна власти „его. Не злата, ни мармора драгоцѣннаго, ни богатыя парчи на „покровъ Святыя Трапезы, ни „мѣста моимъ сродникамъ прошу „я; нѣтъ: сіи суть малы предмѣты великаго честолюбія. Я уповаю достойнымъ быти большаго. Дозволь мнѣ, единаго „прошу, дозволь мнѣ даровать

„ утѣшеніе, уступить зависти.
„ Люблю почитать Государей, но
„ изъ дали. Я всѣмъ сдѣлался
„ мерзостнымъ, даже и моимъ
„ пріятелямъ, ибо я никого не
„ могу столько почитать, какъ
„ единаго Бога. Уговори ихъ,
„ Государь, къ согласію, и къ ми-
„ ру; пусть они хотя въ уваже-
„ ніе твое смирятся, ежели не
„ страшатся Бога, и его мщенія.
„ Воздвигни себѣ побѣдные знаки,
„ необагренные кровію; низложив-
„ ши наглую дерзость варваровъ,
„ возврати вольность старцу, въ
„ услугахъ всему свѣту не столь-
„ ко бременемъ лѣтъ, сколько
„ подъ тягостію трудовъ, поседѣв-
„ шему. Ты, Государь, знаешь
„ что я силою, противъ моей во-
„ ли, возведенъ былъ на мѣсто
„ сіе „. Императоръ похвалилъ
слово мое, всѣ придворные ему въ
томъ послѣдовали, и я получилъ
увольненіе. Сказываютъ что Го-

судар

сударь не охотно на то согласился, но согласился.

Что мнѣ оставалось дѣлать въ предупрежденіе всякаго случая? Укротить умы, привести ихъ къ долготерпѣнію и умѣренности; положить преграду, чтобы по любви ко мнѣ, и по ненависти къ злымъ, не дошли они до чрезвычайности. Ласкаю, хвалю даже тѣхъ, кои и похвалы не достойны. Утѣшаю духовенство, народъ, дѣтей обо отцѣ сожалѣющихъ, и тѣхъ Епископовъ, коихъ оскорбляло приключеніе сіе. И въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро дошло до нихъ рѣшеніе о моемъ увольненіи, то многіе бѣжали изъ собранія, затыкая уши свои какъ будто внемлятъ они громовый ударъ, бія себя руками, не хотя быть свидѣтелями возведенія на престолъ другова, на престолъ, съ котораго сошелъ я.

Время ужѐ кончить. Вотъ тотъ живый мертвецъ; вотъ побѣждающій и вкупѣ побѣжденный, вмѣсто преходящія славы, суетнаго блистанія, наслаждается теперь Богомъ. Ругайтесь мною, торжествуйте съ радостію, о премудрые вѣка сего! Да будутъ несчастія мои содержаніемъ пѣсней вашихъ, упражненіемъ въ собраніяхъ, на пирахъ, и въ прохожденіи святыхъ должностей вашихъ! Подражайте гордому животному (*) воспѣвающему собственныя свои побѣды. Гордые лицы ваши да возвѣстятъ радость вами ощущаемую всѣмъ участникамъ вашей неумѣренности. Одинъ не хотѣлъ возторжествовать, а вы думайте, что вы всѣ вкупѣ одержали побѣду. Естьли я оставилъ мое мѣсто самъ собою, то дерзаете ли вы превозноситься тѣмъ, что вы при-

(*) Петуху.

принудили меня оставить его? Естьлижъ увольненіе мое было принужденно, то сами себя обвиняете. Вчера возвели меня на престолъ, а нынѣ съ него меня свергаете? Куды прибѣгну оставивъ мѣста сіи? Въ сообщество Ангеловъ. Тамо не убоюся ненависти, не буду имѣть нужду въ благопріятіи. Счетные разглагольствія человѣческіе, скорѣе вѣтра развѣетесь вы, и въ воздухѣ изчезнете. Много я васъ слушалъ. Утомился, наскучили мнѣ хула и хвала людская. Теперь ищу пустыню, злымъ непроходимую; ищу убѣжища, гдѣ бы духъ мой питался единымъ только Богомъ, и гдѣ бы небесная надежда была единою пищею моей старости. Что дамъ церквамъ? Слезы. Къ сему привело меня провидѣніе, исполнивъ жизнь мою горестію. Гдѣ кончится, великій Боже! бѣдное мое теченіе. Я уповаю, что

 ты

ты удостоишь открыть мнѣ вѣчный престолъ твой. На немъ узрю я во всемъ сіяніи блистающее единство трехъ упостасей, составляющихъ единаго Бога. тамъ созерцать буду лицемъ къ лицу величество Божіе, на которое смертные очи наши взираютъ здѣсь сквозѣ густаго мрака!

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НАЗІЯНЗИНА,

ПОЕМА
ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ
На несчастія его житія.

О Христе, Царю! разсѣявый силы Амаликовы во время воздѣянія рукъ, на горѣ, служителя твоего Моисея, прообразовавшаго тѣмъ крестъ твой; обуздавый свирѣпость львовъ, готовыхъ пожрать данійла въ ровѣ; тобою Іона спасеннымъ сталъ отъ чрева китова, умоливъ тебя; покрывый росою дерзновенныхъ трехъ отроковъ въ пещь ассирійскую вверженныхъ; шествіемъ твоимъ по волнамъ морскимъ, укротивый бурю и вѣтры во спасеніе учениковъ твоихъ; цѣлителю душъ и тѣлесъ; вочеловѣчивыйся Боже ради нашего спасенія; Боже всякія вѣчности, въ послѣдствіи же временъ

принявшій человѣческое тѣло, да сѣединишь насъ съ тобою; прійди, о Боже мой! прійди на вопль мой, прійди и буди прибѣжище мое и спасеніе мое.

Война, чудовищи, огнь и буря востаютъ на меня; едва могу я возвести очи мои на небо. По истиннѣ злые суть дикія сіи звѣри, кипящія волны, съ ними я сражаюсь. Проклинаютъ они истинныхъ *богопоклонниковъ*, не *страшатся божественнаго* правосудія, всегда поздо отмщающаго; пренебрегаютъ добродѣтельными серцами; избави мя Господи, отъ насилія ихъ. Осѣни главу мою сѣнію крилъ твоихъ; отжени прискорбіе, снѣдающее раба твоего. Не предаждь мя унынію, наводимому міромъ и княземъ его на злосчастныхъ смертныхъ, бѣдственному сему угнѣтенію духа, разрушающему въ насъ подобіе

Божіе

Божіе, унижающему благороднѣйшую человѣка часть, препятствующему возводить ей горѣ бренность нашу, землею привлекаемую; и понуждающему душу погрязать въ тинѣ, въ коей обращается она въ плотяную.

Два пути ведутъ человѣка къ погибѣли. Иные въ собственномъ серцѣ ихъ сохраняютъ мутный источникъ беззаконія. Неправда и суетность чувственныя сладости, злыя помышленія заводятъ ихъ во всякое грѣхопаденіе. Слѣпота имъ нравится, и они гибнутъ съ веселіемъ. Другіе созерцаютъ Бога чистымъ и умнымъ окомъ. Тщеславная гордость міра сего, мерзость имъ есть; провождаютъ житіе свое въ неизвѣстномъ спокойствіи, въ отдаленіи отъ суетъ мірскихъ, и попирая легкою ногою землю грядутъ, идѣ же Господь зоветъ

ихъ. Участвуя въ тайнахъ сокровеннаго житія его откроются они нѣкогда во славѣ и сіяніи его. Но подъ ногами ихъ раждается колючее терніе; нужда обремѣняетъ ихъ, и лукавый демонъ употребляетъ оную въ свою пользу погибѣли ради сихъ несчастныхъ. Часто предлагаетъ онъ имъ зло подъ видомъ блага; не будучи въ силахъ побѣдить ихъ торжественно; обманываетъ и прельщаетъ. Тако алчные рыбы прибѣгаютъ къ смертоносной удѣ, и вкупѣ съ пищею смерть пожираютъ.

Таковымъ-то образомъ лукавый одѣлся во свѣтлое тѣло, когда увидѣлъ, что позналъ я мрачность его. Хотѣлъ онъ искусить меня, не погублю ли я себя легкоуміемъ, и не предамся ли пороку, желая послѣдовать добродѣтели. Бракъ, пагубная сія пучина, и тягостное бремя въ

жи-

жизни, не связалъ меня своими оковами. Пренебрегалъ я драгоцѣнною одеждою, роскошною трапезою, огнь вожделѣній питающею, пренебрегалъ пространными и великолѣпными палатами, убѣгалъ пѣсенъ и стиховъ сластолюбныхъ. Воня благоуханіи не распространялась округъ меня. Сребро и злато оставляю я скупымъ, любящимъ блѣднѣть надъ своимъ сокровищемъ. Удовольствіе ихъ посредственно, а забота велика. Сухарь и соленое мясо пища моя, вода питіе мое, Христосъ ободреніе души моей. Вотъ все мое богатство. Не поставляю онаго въ поляхъ изобильныхъ, въ прекрасныхъ рощахъ, въ многочисленныхъ стадахъ. Еще меньше искалъ я богатства во множествѣ служителей, рожденныхъ отъ моего же племяни, и отъ коихъ я различаюсь только древнимъ тиранствомъ, раздѣлившимъ людей

на

на свободныхъ и рабовъ; они такое же творенiе созданное отъ единыя и тоя же земли, и тѣмъ же Богомъ; но человѣческiя законы нарушили божественный порядокъ.

Не искалъ я милости въ людяхъ, сего мгновеннаго дыханiя. Не считалъ я ни малѣйшимъ преимуществомъ быть вхожимъ во дворъ Царскiй, ни засѣдать на мѣстѣ судейскомъ, отъ куды жестокосердые судьи едва удостоиваютъ взора бѣдныхъ челобитчиковъ. Власти, чиноположенiя, и ласкательныя похвалы согражданъ ихъ меня не искушаютъ. Плѣняющiйся ими плѣняется суетными сновидѣнiями, быстро отъ одного къ другому преходящими, и скоро изчезающими; собираетъ рукою текущую воду, опирается на воздухъ, и вмѣсто тѣла обѣемлетъ тѣнь его.

Таковы человѣки; таково ихъ и благополучіе, благополучіе подобное движущимся браздамъ, легкимъ кораблемъ на водѣ оставляемымъ, и по прошествіи изчезающимъ. Я былъ только чувствителенъ ко славѣ ученія. Всюды я искалъ ее, гдѣ только блистала оная, а паче въ Афинахъ, красѣ всей Греціи. Ученія мои были долговременны и трудны. Я повергалъ ихъ къ стопамъ воплощейся мудрости, которыя единое слово въ ничто обращаетъ всю мудрость человѣческую. Спасенный отъ опасности сея не могъ я убѣжать жестокосердаго врага, уловляющаго мя сѣтію въ образѣ дружескомъ. Повѣдаю теперь скорбь мою. Да послужитъ она предварительнымъ и спасительнымъ средствомъ противу ужаснаго сего чудовища.

Услаждалъ я попеченіемъ моимъ старость и болѣзнь двухъ твор-

творцевъ дней моихъ. Слабая искра пресвѣтлаго свѣтильника былъ я послѣднее дитя въ живыхъ имъ юставшее. Я льстилъ себя, о Боже мой, что дѣтская сія должность была пріятна предъ тобою, и удовлетворяла законамъ твоимъ. Даровалъ ты чада отцамъ да будутъ они ихъ силою, помощію, и подпорою трепещущихъ членовъ ихъ.

Почтенные сіи старцы истинныя суть твои поклонники Прилѣпленныя къ заповѣдямъ твоимъ узломъ нерушимымъ, укрываются они отъ опасности жизни сея. ты начало и конецъ ихъ. Мать моя, пріявшая отъ родителей своихъ правую вѣру, наложила пріятный оныя яремъ на дѣтей своихъ; она была бодрственна и превознесенна надъ всѣми женами; міръ и сущая въ немъ пренебрегала, земли касалась единственно

для

для того, чтобы удобнѣе вознестися на небо. Родитель мой служилъ прежде Идоламъ. Но дикая сія маслина, привитая къ воздѣланной, толикимъ сокомъ отъ плодоноснаго корня напиталась, что покрыла другія деревья, и насытила множество людей сладостію плодовъ своихъ. Старость убѣля власы его содѣлала разумъ его совершеннымъ. Входилъ онъ во внутренности сердечныя красотою слова своего. Подобно Моисею и Арону, посредникамъ между неба и земли, неповинныя руки его приносили наши жертвы, кои тѣмъ большее имѣли дѣйствіе, что святость его творила ихъ совершеннѣе къ примиренію чрезъ нихъ Бога съ человѣкомъ.

Вотъ каковы были рождшіе мя. Добродѣтелію превосходили они всѣхъ людей, и равнялись только другъ другу. Упражненіе

мое

мое было служить имъ, на нихъ возлагалъ я надежду, и поздравлялъ себя исполненіемъ таковымъ образомъ естественныхъ должностей моихъ. Увы! Во всемъ есть препятствіе грѣшнику. Добро было для меня источникомъ зла. Благочестивое отправленіе моей должности причинило скорби и печали день и ночь меня терзающіе, отвлекающіе меня отъ небесныхъ, и повергающіе паки въ тину, изъ которой я вышелъ. Какая злоба, каковое страданіе! Домочадцы, непрестанно мучащіе, жестокаго господина ненавидящіе, добросердечнаго презирающіе, въ наказаніи дерзскіе, въ послабленіи неукоримые, никогда не довольные, всегда къ мятежу склонныя; учрежденіе земель, безпрестанные и тяжелые налоги, угрозы, насилія собирателей, самый стыдъ отъ податей, поносное рабство, налагаемое на свободнаго человѣка

вопль

(*) вопль на неправосудія, ябѣдническіе обманы, неправильное дѣлъ рѣшеніе, темнота въ законахъ, дѣлъ продолженіе, похлѣбство судейское! Кто возможетъ противостоять развращенію такову безъ особливаго Божія покровительства? Въ таковой крайности надлежитъ уступить злымъ людямъ, или сдѣлаться имъ подобнымъ. Приближаясь къ зловонію, начинаешь быти смраднымъ.

(*) Сильная и любомудрая мысль сія достойна примѣчанія во святомъ человѣкѣ. Не должно сіе разумѣть о налогахъ вообще, понеже они необходимы и нужны. Безъ нихъ государство стоять не можетъ. Но никогда не запрещалось жаловаться на злоупотребленіе власти государской, исполнителями воли его творимое. И святые люди пріобыкшіе къ долготерпѣнію не могли съ хладнокровіемъ сносить обиды имъ причиняемые.

Все сіе еще было сносно; но чего не претерпѣлъ я смертію брата моего, и сколь еще пространное предлежало поле моему терпѣнію! Не предвидимое зло разрушаетъ надежду. Во время житія его украшался я славою его; ибо богатолюбіе чуждо было моему сердцу. Смертію своею оставилъ онъ мнѣ единый только стонъ и слезы. Имѣніе его поглощено землетрясеніемъ Никейскимъ; оставшее разграблено посредѣ разрушенія. Богъ спасъ жизнь его подъ развалинами его дома.

Любезный Кесарій, сперва съ блистаніемъ явился ты во дворѣ Императорскомъ. Прославился тамо мудростію, и тихою душею твоею, приобрѣтшими тебѣ многое число друзей. Искуствомъ твоимъ уврачевалъ ты страждущихъ болѣзнями; любовію, утѣшалъ бѣдность терпящихъ. Удовле-

влетворилъ ты при смерти твоей дивіихъ звѣрей сихъ воплемъ своимъ меня устрашающихъ. Ближніи мои удалились отъ меня, и мало осталось друзей моихъ. Корыстію привлеченныя убѣгаютъ отъ меня вкупѣ съ богатствомъ. Дубъ, бурею изторгнутый вскорѣ лишается вѣтвей своихъ. Виноградъ безъ оплота пищею служитъ мимоходящимъ, и пастбищемъ кабанамъ. Не могу я ни разогнать ни насытить враговъ, съ того времяни какъ разлучась съ міромъ, возносящійся духъ мой превыше плоти преложилъ меня къ горнему престолу, гдѣ блистаютъ немерцающія лучи Святыя Троицы, и откуды течетъ свѣтъ ихъ на одушевляемыя ими предмѣты, коихъ они суть начало. Азъ умрохъ міру, и міръ мнѣ: подобенъ мертвому тѣлу бездыханному, чуждему силы и одушевленія. Житіе мое не отъ міра сего. Я здѣсь пла-

плачу вЪ тѣлесныхЪ моихЪ оковахЪ, вЪ семЪ тѣлѣ, которое міракомЪ души называютЪ. Ищу разрѣшенія тѣлеснаго, известь меня могущаго отЪ темнаго на земли пребыванія, гдѣ ходимЪ мы дабы только или другихЪ, или самихЪ себя обманывать. Блистающій свѣтЪ окружитЪ меня. Привидѣнія, ослѣпляющія умЪ мой изчезнутЪ. Раздерется завѣса, истину отЪ глазЪ моихЪ сокрывающая.

Но благополучіе сіе не есть отЪ міра сего. Хотящій перемѣнить земное и преходящее житіе сіе на вѣчное благо небесныя жизни здѣсь пренебрегаемыя, и яко персть ногами попираемыя. Враги мои напали на меня; о Кесарій! о хладный пепелЪ! Ты разсѣвалЪ злобное стадо ихЪ, и утѣшалЪ меня вЪ печаляхЪ моихЪ. Увы! онЪ такЪ любилЪ меня какЪ никакой братЪ не

не любилъ своего брата; и почиталъ меня яко сынъ отца своего.

Лишенный имѣнія своего, сохраненіе котораго я для того желалъ, чтобы раздѣлить его съ бѣдными, будучи самъ на землѣ пришельцомъ бѣднымъ и пресмыкающимся; возводя очи мои къ верховному благъ Подателю; обремененный поношеніемъ всякаго человѣка оскорбить могущимъ; потерявъ братьевъ, безвремянною смертію; при всемъ томъ оплакиваю величайшую потерю во глубинѣ моего сердца. Что съ тобою сталось душа моя, великая и красная, царствовавшая надо мною съ толикою славою! Теперь подобясь плѣнницѣ, побѣдителемъ во узы заключенной, стонешъ ты подъ бременемъ цѣпей своихъ, и не смѣешъ возвесть очи свои. Какой стыдъ, и какое мученіе!

Уязвленные ехидною желаютъ только тѣмъ о болѣзни своей расказывать, кои чувствовали подобныя уязвленія; ибо одни они вѣдаютъ лютую скорбь причиненную уязвленіемъ симъ. Такъ и я тѣмъ только объявлялъ мученіе мое, кои пылаютъ равною со мною любовію, и претерпѣваютъ подобныя страданія. Они только одни съ благопріятностію послушаютъ словъ моихъ; и познаютъ тайны страждущаго сердца. Они лобызаютъ бремя крестомъ налагаемое; и жилище ихъ назначено уже въ царствѣ Царя небеснаго. Не преткнется нога ихъ, они сожалѣютъ о паденіи другихъ человѣковъ. Иные ругались разглагольствіемъ моимъ; о люди бѣдныя, сердце ваше затворенно отъ вѣры, внутренность ваша не восчувствовала никогда пламенныя любови, помышленія ваши единственно о суетѣ дневной. Да погибнутъ убо

рас-

расточавшія языка своего стрѣлы, сего нужнаго и опаснаго вкупѣ орудія.

Слезы мои скончаются вмѣстѣ съ прискорбіемъ, которое есть ихъ источникомъ; вмѣстѣ съ разстроеннымъ движеніемъ, коему демонъ отверзъ врата души моей, охраняемые доселѣ могущею десницею Всевышняго. Грѣхъ не имѣлъ дотолѣ удобства покорять меня. Грѣхъ подобный пламени, возженному при краи жатвы, вѣтромъ носимому, пожирающему класы, и воздухъ густотою дыма своего наполняющему.

По что не удалился я въ пещеры, въ горы и разсѣлины; тамо избѣгнулъ бы я опасности отъ погибѣли свѣтской; сердце мое было бы жилищемъ Богу; и жилъ бы я съ единымъ только Богомъ. Въ безмятежной и непорочной жизни

сей, съ пріятною надеждою ожидалъ бы я конца дней моихъ. По истиннѣ должно бы было учинить мнѣ сіе, но дѣтская любовь къ родителямъ въ томъ мнѣ препятствовала. Паче всего внималъ я благочестію, водворяющемуся въ душахъ боголюбивыхъ. Сожалѣлъ я о рождшихъ мя старостію удрученныхъ; сожалѣлъ о болѣзни ихъ, о печали кою бы они почувствовали разлучась съ сыномъ, первымъ и послѣднимъ утѣшеніемъ живота своего.

Колико претерпѣлъ я гоненіи. Я посвятилъ себя ученію божественныхъ книгъ, сихъ небесныхъ писаніи, начертанныхъ самимъ Духомъ Святымъ на устахъ вдохновенныхъ человѣковъ; писаніи, коихъ письмена заключаютъ въ себѣ скрытыя сокровищи свѣта и благодати, открытыя единымъ непорочнымъ душамъ. Сожалѣлъ

о

о нощныхъ бдѣніяхъ, о молитвѣ, о воздыханіи, утѣшеніе мое составляющемъ, о Ангельскомъ согласномъ пѣніи, когда мы отъ среды храма нашего возсылаемъ души наши въ пѣснопѣніяхъ къ Богу, гдѣ разными устами единое Божество восхваляется. Воспоминалъ о постѣ плоть умерщвляющемъ, умѣряющемъ радость, и словамъ нашимъ предѣлъ полагающемъ, воспоминалъ о умѣренности во гнѣвѣ, и о воздержаній. Моя душа входила во внутренныя своя, внимая гласу разсудка, приводящаго ея ко Христу надеждою благъ небесныхъ. Сердечныя движенія сіи суть пріятны Богу. Исполненъ свѣта его, жилъ я съ праведными, участвовалъ во славѣ и благочестіи ихъ. Перемѣнилъ я сокровища сіи на богатство, коего трудное стяжаніе возмущало сонъ мой пристрашными привидѣніями, коихъ и образы

зы видомъ своимъ колебали меня. Душа моя всего теперь лишилась, чѣмъ владѣла она въ сообществѣ людей добронравныхъ. Остались только сожалѣнiи и желанiя. Что со мною будетъ! Не ужѐ ли, о Боже мой! Не тронешься ты раскаянiемъ моимъ, и не возвратишь меня въ первое состоянiе? Не сокрушишь ли бремени, на мнѣ тяготѣющаго? Но не знаю, горе мнѣ! не оставитъ ли онъ меня во тмѣ погибнути прежде, нежели бы мои узритъ отвѣты. Тогда нельзя ужѐ ожидать помощи; слезы тогда безплодны. Пока живемъ мы, спасенiя въ рукахъ у насъ; но по смерти предаемся мы въ цѣпи суда.

Ужѐ бѣлѣетъ глава моя, морщины показываются на лицѣ моемъ; дни мои склоняются на западъ. Гораздо меньше страдалъ я ѣдучи изъ Александрiи въ Грецiю.

цію. СѢлЪ я на корабль при восхожденіи тельца, страшное время мореходцамЪ; большая часть не дерзала ѣхать тогда вЪ море. 20 дней и 20 ночей призывалЪ я благость Господню. ПѢнистыя валы возставали около корабля яко горы. ВѢтры сЪ свистомЪ надували парусы и снасти. Глубокая ночь небеса покрывающая прерывалась только молніями, отвсюду гремѢли страшные громы: тогда то вручилЪ я сердце свое Богу. Молитва и обѢты мои Его умилостивили, и я спасеннымЪ сталЪ отЪ ужаса разЪяреннаго моря. Не столь сильно было смущеніе мое во время землетрясенія бывшаго во всей Греціи и многія грады до основанія разорившаго. ТрепеталЪ я о душѢ моей; ибо не удостоился еще пріятія благодати и пролитія Духа Святаго, крещеніемЪ подаваемаго.

Терпѣливѣе сносилъ я скорбь мою во время сильной боли воставшей въ горлѣ и лишающей меня опухолью своею свободнаго дыханія; и еще когда я, плѣтя кошницы по неосторожности зашибъ себя, и разодралъ зѣницу, и глазъ такъ, что кровь полилась ручьемъ. Вдругъ почувствовалъ себя лишенна зрѣнія, яко смертоубійца достойный ослѣпленія. Дорого заплатилъ я за неосторожность. Надлежало омыть нечистоту мою слезами прежде, нежели приносить Богу безкровную жертву, не терпящую рукъ скверныхъ? Въ противномъ случаѣ согрѣшилъ бы я. Слабые очи не снесутъ блистанія солнечнаго.

Много еще претерпѣлъ я искушеній. Кто исповѣсть спасительныя скорби насланные на меня Господомъ, да воззоветъ меня отъ погибѣли. Но оскорбленія сіи

от-

отнюдъ не могутъ сравнитися съ нынѣшнею печалію моею. Всего бы совлеклась душа моя; дабы содѣлаться а свободною; блаженна была бы она, естьлибъ сею цѣною искупилась прелестей міра сего, избѣгнула сѣтей змѣиныхъ и спаслась отъ льва, ищущаго ее поглотити.

Кто дастъ воду главѣ моей, и очію моею источники слезъ! (*) слезъ, омывающихъ беззаконія наша! Сіи слезы, печаль, и покаяніе суть врачевство грѣховъ, и изцѣленіе душъ нашихъ. Да возтрепещетъ зрящій мя, и исправится. Да бѣжитъ жилища и дѣлъ Египетскихъ; да оставитъ дворъ Фараоновъ, и вселится въ небесное отечество. Да не удержатъ его поля Вавилонскіе. Удаленный отъ бреговъ рѣки, гдѣ связали его побѣдившіе его, отъ сихъ ди-

(*) Іереміи гл. 9. ст. 1.

дикихъ бреговъ, орошенныхъ слезами, и не внемлющихъ пѣсней его да возвратится поспѣшными ногами къ мѣстамъ злачнымъ, гдѣ обитали его предки, и тамо, свободными отъ узъ плѣновныхъ руками немедленно положитъ основаніе новому храму. О злощастный! съ того времени какъ оставилъ я блаженную страну сію, была она всегда цѣлію желанія моего. Состарѣлся я въ суетномъ и печальномъ желаніи семъ. Возмущенъ утопая въ горести, боялся я равно и людей и безсмертнаго Владыки. Одежда моя знаменуетъ печаль души моей. Приношу Богу милосердому и молчаніе и скорбь мою. Не уничижитъ онъ сердце смиренно; и покрыетъ студомъ злочестивыхъ.

Напали разбойники на сходящаго отъ Іерусалима во Іерихонъ, кои совлекши его, и язвы возложше

ше отошли, и оставили его еле жива суща. Левитъ и священникъ хотя и видѣли его, но прошли мимо, Самарянинъ за ними шедшій милосердовалъ о немъ, обвязалъ струпы его, возливая масло и вино, привелъ его въ гостинницу, и вдаде цѣну гостиннику да прилѣжитъ болящему, обѣщавъ ему возвратить издержанное. Какой стыдъ! Самаряне человѣколюбивѣе священниковъ! Не проницаю я тайнаго смысла повѣсти сея; божественная премудрость имѣетъ свои таинствы. Но только молю ее, да милосердствуетъ о мнѣ. Ибо я впалъ въ подобное злощастіе. Врагъ душевный и растлитель живота поставилъ сѣти въ теченіи моемъ; и совлекъ меня благодати Іисусъ Христовой. Оставилъ меня нага яко Адама, погруженнаго земнымъ желаніемъ въ тину, изъ которой онъ вышелъ; желаніе сіе ради того только одарило

рило днемъ смертныхъ, чтобъ вовлечь ихъ въ свое паденіе.

Но, Всевышній Господи! спаси бѣднаго, служителями твоими оставленнаго. Утиши язвы моя, введи меня въ гостинницу спасенія. и да отверзутся мнѣ, по изцѣленіи моемъ, двери святаго твоего града. Да поживу тамо. Оттуды изгонишь ты разбойниковъ, разсѣешь лукавствіе ихъ, и изженешь жестокосердыхъ хвалящихся благочестіемъ своимъ.

Читаемъ мы, что гордый фарисей, мнящійся пріятенъ быти Богу, и мытарь, угрызаемый совѣстію, пошли нѣкогда во храмъ. Первый превозносился постомъ, жертвою, равнялся съ лучшими людьми, и презиралъ мытаря. Сей въ слезахъ утопая и біяа въ перси своя, не смѣлъ возвесть и очей своихъ на небо, кое есть пре-

престолЪ Божій, но потупляя оныя низу яко рабЪ, стоя во внутренности храма, возіялЪ: прости, о Боже мой, рабу твоему, подЪ бременемЪ грѣховнымЪ стенящему. Не спасетЪ меня ни законЪ, ни десятины, ни благія дѣла. Не ложно фарисей меня обвиняетЪ. СтрахЪ объемлетЪ меня стоящаго во храмѣ семЪ. Едва дерзаю стояти вЪ немЪ, боясь посрамити его. Да проліеши на мя благодать и милосердіе свое. Едина надежда на Тебя о Боже, спасаетЪ грѣшниковЪ.

Господь обоихЪ услышалЪ. ВнялЪ моленію смиреннаго и печалію терзаемаго грѣшника, презрѣлЪ гордаго лицемѣра. Боже, судилЪ еси имЪ по сердцу ихЪ. Я есмь сей смиренный, кающійся мытарь. Соболѣзнуя сЪ нимЪ, сЪ нимЪ же пріиму благодать Твою. Сподоби мя получити прощеніе,

сподоби, Спасителю мой. Ежели родители мои вѣрны были закону Твоему, естьли благоутробно принялъ вопль и моленія ихъ; ибо я не сотворилъ ничего благоугоднаго предъ Тобою; то воспомяни жертву ихъ Господи, и посли ми помощь Твою, разжени попеченія, меня удручающіе. Да не подавленъ буду терніемъ грѣховнымъ; не затвори небесную дверь желанію моему. Да спасетъ мя десница Твоя Господи. Тебѣ служу единому! Твой есмь азъ; Ты Богъ мой выну. Мати моя толико же благочестивая, яко Анна, равнымъ съ нею горѣла желаніемъ имѣти сына, и также какъ и оная посвятила меня Тебѣ съ самаго зачатія. О Христе! возопила она, о Царю мой; сотвори по желанію рабы Твоея, да рожду сына, и плодъ сей да будетъ навсегда служителемъ олтарю Твоему.

Рекла; и услышана бысть. Божественный сонъ открылъ ей имя сына ея; и сей сынъ родился. Я принесенъ былъ во храмъ Твой яко Самуилъ, естьли дерзаю сравнить себя съ симъ Пророкомъ. Но нынѣ вчиненъ въ число оскверненныхъ сыновъ Илійныхъ, жадностію св. Твои жертвы посрамляющихъ. Наказаны они разрушительною смертію. Мать моя, посвящая Тебѣ сына, уповала лучшаго ему жребія. Освятила она руки мои прикосновеніемъ книгъ священныхъ, и взявши меня въ объятія говорила: Сыне, знаменитый мужъ шелъ нѣкогда принесть на жертву сына своего, сына добродѣтельнаго, послушнаго, Богомъ ему даннаго, поздный плодъ заматорѣвшей во днѣхъ супружницы его, единую надежду племя его: сына обѣтованія. Жрецъ былъ Авраамъ, жертва юный Ісаакъ. Я же, приношу тебя Богу, яко живый даръ

мною ему обѣщанный. Тебѣ должно исполнить обѣтъ твоей матери. Буди толико непороченъ, колико я желаю. Вотъ богатство мною тебѣ желаемое въ нынѣшнемъ и будущемъ вѣкѣ.

Повиновался я обѣту матери моей. Благочестіе водворилось въ душу мою. Готовили меня къ печати крещенія; послѣ чего Іисусъ Христосъ исполнялъ присутствіемъ своимъ вѣрнаго раба своего. Цѣломудріе, надъ плотію торжествующее покоряло чувствы мои, и возжигало серце мое горящею любовію къ божественной Премудрости.

О жизнь уединенная, начало будущія жизни! человѣкъ имѣя тебя съ собою не имѣетъ нужды въ сладострастной помощницѣ, вовлекающей его въ свои пагубныя склонности! Единому Богу посвящаетъ

щаетъ онъ желанія свои. Будучи созданіемъ его не раздѣляется онъ между Имъ и жены. Сей то Богъ, сопровождавшій стопы моя въ путехъ трудныхъ, ведущихъ ко вратамъ узкимъ, къ которымъ не многіе изъ смертныхъ достигаютъ. Простое будучи твореніе, участвовалъ я въ божествѣ Творца моего. Одѣянъ образомъ Божіимъ, изходилъ я изъ тѣни смертной, и тѣло мое съ душею сопряженное, съ нею же воздымалось такъ какъ желѣзо воздымается магнитомъ.

О душа моя, колико ты грѣховна, и достойна наказанія. О смертные, колико уничиженна есть гордость наша! Мы пресмыкаемся по землѣ, яко червь и паутина!

Въ человѣкѣ подвержено все перемѣнѣ, какъ зло такъ и добро. Обоя сіи подобны путямъ другъ

друга касающимся. Злый не всегда золъ; добрый не всегда добродѣтеленъ. Страхъ есть узда пороковъ: зависть ослабляетъ добродѣтель. Грѣхопаденіемъ подверглись мы противной страсти, но въ слабостяхъ нашихъ должны мы прибѣгать къ крѣпости Божіей. Истинный человѣкъ идетъ единымъ путемъ, не обращаетъ онъ очи свои на пепелъ содомскій. Поражается градъ сей громомъ небеснымъ, а онъ поспѣшными стопами бѣжитъ въ горы, дабы славный образъ его не послужилъ памятію будущимъ родамъ.

Самъ я примѣромъ есмь развращенія серца человѣческаго. Когда былъ я младенцемъ, когда разумѣніе и смыслъ мой не были совершенны, и когда невинность мною руководствовала, твердою ногою тогда шествовалъ я путемъ истиннымъ; возносился тогда

гда до престола Свѣта. Но нынѣ, не взирая на пріобрѣтенныя мною познанія, не взирая на совершенный возрастъ мой, едва влачу я ноги мои, яко піяный. Падаю въ сѣти демонскіе. Онъ вкрадываетъся тайно въ серце мое, да похититъ тамо добрыя желанія мои. Иногда духъ мой воспаряетъ къ Богу, но паки свергается въ бездну міра сего, бѣдственнаго сего міра, толико ранъ душе моей нанесшаго.

Но хотя и господствуетъ мною грѣхъ, хотя и потопляетъ меня врагъ въ водахъ беззаконія; но вѣдаю состояніе мое; вѣдаю кто я, и куды бы итти желалъ. Вижу всю высоту паденія моего, и глубину бездны, въ кою ввергнули меня заблужденія мои. Не увеселяюсь и пустыми разглагольствіями, печальныхъ утѣшающими. Не радуюсь, ниже чту себя

лучшимъ взирая на беззаконія другихъ людей. Претерпѣвающіе жестокія мученія, утѣшатся ли тѣмъ, что видятъ людей еще жесточайшимъ мукамъ подверженныхъ? Лучше ли тѣмъ злой человѣкъ, что есть еще его злѣе? Добродѣтельный и честный бѣсѣдою своею съ лучшимъ совершенства его достигаетъ. Нуженъ слѣпымъ путеводитель. Удовольствіе во злобѣ тотъ находитъ, кто стоитъ ужѐ на послѣдней степени зла.

Естьли меня, достойнаго всякаго презрѣнія, естьли меня кто почитаетъ, то страждетъ серце мое; почтеніе сіе тайно терзаетъ душу мою. Лучше слыть порочнымъ соблюдая добродѣтель, нежели почитаться добродѣтельнымъ служа пороку. Не ужѐ ли подобитися должно повапленнымъ гробамъ снаружи, а внутри смрадъ и гной содержащимъ?

щимъ? Устрашимся ока, всю землю проницающаго, смотряющаго въ бездну морскую и во глубину человѣческаго сердца. Время ничего отъ Бога не сокрываетъ. Все является, все обнажается предъ очами Его. Како убѣгну взора Его! Како сокрою предъ Нимъ грѣхи мои! Камо бѣжу въ послѣдній день? Гдѣ будетъ убѣжище наше, когда огнь мщенія, освѣщая дѣянія человѣческая присоединится на вѣки естеству и сущности грѣховной! О бѣдственная природа, трепещу я слѣдствій твоихъ день и ночь, видя душу мою съ небеси падущую, и противу желанія моего углубляющуюся въ землю.

При берегѣ рѣки, стоящій кленъ (яворъ) и хранящій во все годовое теченіе вѣтви зелены, внезапу волненіемъ при корни своемъ обуревается. Колеблется подпора его, движется земля, па-

детъ древо и виситъ надъ пропастiю яко на воздухѣ. Вскорѣ слабыя его мочки прерываются, волна изторгаетъ его съ вѣтвями, увлекаетъ въ бездну, и съ шумомъ воздвигая его вержетъ потомъ на морскiе камни: дождь и мокрота свершаютъ погибѣль его; на берегу же, гдѣ прежде стояло древо сiе, ничего кромѣ остатковъ малыхъ не видно.

Тако душа моя процвѣтала нѣкогда предъ Господомъ. Сильныя вражiя искушенiя изпровергли ее, и демонъ едва не восхитилъ ее. Остатки же по мѣстамъ разсѣянныя ищутъ паки обновитися въ силѣ моего Бога, Бога отъ шли насъ воззвавшаго, паки сотворить насъ имущаго по разрушенiи тѣла нашего, и дарующаго намъ новую жизнь, или въ мрачномъ пламени адскомъ, или въ блаженномъ сожитiи небесномъ. Но

Но гдѣ назначено наше мѣсто, мы того не знаемъ.

Ты же о Господи, не предаждь мя сопротивнымъ, мнящимъ яко ужѐ мертвъ есмь, ругающимся нещастію моему. Укрѣпи меня, во первыхъ, въ надеждѣ спасенія. Воспали въ душѣ моей свѣтильникъ погасающій, бывшій моимъ путеводителемъ; да возсіяетъ онъ новымъ блистаніемъ; да разженетъ отъ себя мракъ жизни моей. Удали же отъ меня и бремя грѣховъ моихъ, да развѣютъ его вѣтры. Укротилъ еси серце мое печалію, яко укрощаетъ всадникъ быстраго коня своего скачущи по дебри. Искусилъ мя еси скорбію наказующею грѣхи моя, и уничиженіемъ гордыни моея, сего плода душъ слабыхъ, коихъ самая твоя, Господи, благостыня творитъ гордыми и надѣющимися на себя; да послужатъ болѣзни

моя

мои примѣромъ многимъ. Угодно Тебѣ было, Боже мой, чтобъ они получили омерзѣніе къ презрѣнной жизни, но сіе есть тайна сокрытая во глубинѣ Премудрости Твоей. Приключающееся добро и зло въ наставленіе человѣческое исполняетъ высочайшее намѣреніе Твое, хотя и не можемъ мы проникнуть причины онаго; кормило вселенныя въ руку Твоею. На бренномъ кораблѣ семъ преплаваемъ посредѣ пучинъ и непостоянныхъ треволненій живота нашего.

О Боже, паду предъ величествомъ Твоимъ. Зриши болѣзнь обремѣняющую мя. Благоволи послати Лазаря, да омочитъ водою перстъ свой и прохладитъ горящіе уста мои. Да не ввергнусь въ пропасть раздѣляющую меня отъ нѣдра Авраамова. Да укрѣпитъ мя десница Твоя; изцѣли скорби моя, покажи на мнѣ древнія чудеса

са твои Господи. Прорцы и остановится теченіе крови. Произнеси едино слово и легіонъ нечистый ввержется въ волны. Изцѣли проказу покрывающую мя; возврати зрѣніе очамъ моимъ; слышаніе уху моему, плоть и кровь изсохшей рукѣ моей. Прерви оковы устъ моихъ, укрѣпи колеблющіяся стопы мои; насыти меня не многимъ хлѣбомъ; укроти волнующееся море; возсіяй свѣтлѣе солнца; соедини разсѣянныя члены мои; воскреси тѣло мое, тлѣть ужѐ начинающее, и не осуди меня изсохнути, яко безплодную смоковницу заклятую тобою.

Различны суть помощи и заступленія у человѣковъ. У однихъ знатное рожденіе, знаменитыя чины; у другихъ еще слабѣйшіе. Я же единъ, Тебѣ единому предаю себя, Тебѣ, Господу всея твари; отъ Тебе крѣпость моя. Не имѣю

жены утѣшающей въ скорбѣхъ моихъ, не имѣю дѣтей, въ коихъ возобновилась бы старость моя. Смерть похитила братію мою; друзья же мои, любя только самихъ себя убѣгаютъ бѣседы несчастнаго.

Но вкушалъ я нѣкогда такое же удовольствіе, какое вкушаетъ елень, пія чистую и холодную воду. Жилъ я съ людьми праведными, носящими въ серце своемъ Іисуса Христа, чуждыми тѣлесныхъ попеченій, любезными Духу Святому, и вѣрными служенію Его, провождающими дни своя въ отрочествѣ и въ презрѣніи міра и всѣхъ, иже суть въ немъ. Раздѣлила ихъ вражда законная; сразились они другъ со другомъ. Мнимая ревность по закону Божію посѣяла несогласіе между ими.

Путешественникъ, челюстей львовыхъ избѣгшій встрѣчается съ разъ-

разъяренною волчицею, и избавившись новаго сего страха входитъ съ радостiю въ домъ свой, и едва касающiйся стѣнъ видитъ стремящуюся на его змiю; подобнымъ образомъ, и я, преходя отъ скорби въ скорбь, необрѣтаю изцѣленiя. Послѣдняя горше мнѣ первой.

Исполненный смятенiя всюду взираю. Обращаю взоры мои къ Тебѣ о Боже мой! Ты мое прибѣжище. Существо всемощное, несотворенное, начало и Отецъ вѣчнаго и единоначальнаго Сына, Свѣта отъ Свѣта, сообщающагося взаимно другъ другу, средствомъ неудобопонятнымъ. Сыне Божiй, Премудросте, Царю, Слове, Истина святая, образъ первыя Vпостаси, равноестественный Отцу, Пастырю, Агнче, Жертва, Боже, Смертне! Душе отъ Отца изходящiй, Свѣтильниче душъ нашихъ, просвѣщающiй чистыя сердца, и человѣка-

ка Богомъ творящій (*), внемли моленію моему, благопріими обѣты моя. Сотвори, да пою Тя въ старости моей; сотвори, да по смерти моей улученъ буду въ нѣдра божества Твоего, и воспою предъ Тобою вѣчно блаженство мое въ пѣсняхъ моихъ.

(*) Точнѣйшая Богословія и высочайшая Философія соединенны зрятся въ семъ изчисленіи свойствъ Божіихъ. Сіе долженствовало преведено быти слово въ слово, что мною и учинено.

Конецъ.

Инв. 1953